REVISOR

РЕВИЗОР

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКИ И САТИРЫ

РЕДАКТОР ВАЛЕНТИН ГОРЯНСКІЙ

№ 1. 1 Марта 1932 Цѣна во Франціи 2.5о
ЗА-ГРАНИЦЕЙ 3 фр.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ант. ЛАДИНСКІЙ — ЭЛЕОНОРА, разсказъ.

ДОВИДЪ КНУТЪ — ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

ВАЛЕНТИНЪ ГОРЯНСКІЙ — НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНІЕ, разсказъ

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕРЪ — СТИХОТВОРЕНІЕ.

«РЕВИЗІЯ» (Сатирич. отд.)

ВАЛЕНТИНЪ ГОРЯНСКІЙ — МѢЩАНСКІЙ МАНИФЕСТЪ.

ТОЩЕНКО — ПОСЛѢДНЯЯ ВОЛЯ УМИРАЮЩАГО.

НЕИЗВѢСТНЫЙ КУЗЬМА ПРУТКОВЪ

«А ПОДАТЬ СЮДА ЛЯПКИНА-ТЯПКИНА!...»

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ТИРЪ.

КАРРИКАТУРЫ И МЕЛОЧИ.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

В. ЗЛОБИНЪ — МЕРТВЫЙ ДУХЪ.

Х-Н. БЯЛИКЪ — СТИХОТВОРЕНІЕ, пер. Вл. Жаботинскаго.

М. БЕНЕДИКТОВЪ — Х-Н. БЯЛИКЪ.

Ю. ФЕЛЬЗЕНЪ — НА ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СОБРАНІЯХЪ.

ХРОНИКА.

ПОРТРЕТЫ: Х-Н. БЯЛИКЪ; ДОВИДЪ КНУТЪ. РАБ. ХУД. ЛОШАКОВА.

ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ

П. ТРУБНИКОВЪ — ЛИЦА, РѢЧИ, НОЧИ.

МАРКІАНЪ МАЛАЕВЪ — «НАДЕЖДА РОССІИ» — стихи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ, Libr. « La Source », 106, rue de la Tour Paris XVIe. Редакторъ принимаетъ по средамъ отъ 6-7.

РЕВИЗОРЪ

81603

Slav. coll. 25721

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Приступая къ изданію «Ревизора», редакція надѣется восполнить имъ пробѣлъ въ періодической прессѣ, обслуживаемой или откровеннымъ «бульваромъ», или трудно доступными широкому читателю «толстыми» журналами. Преслѣдуя литературно - художественныя цѣли, редакція считаетъ нужнымъ подчеркнуть свою независимость отъ какой бы то ни было литературной группировки или теченія. Редакція постарается разобраться, по мѣрѣ силъ, въ томъ, уже немаломъ, вкладѣ въ русскую литературу, сдѣланномъ писателями зарубежья, и обобщить его, какъ работу цѣлаго литературнаго поколѣнія.

Другой важной своей задачей редакція считаетъ сближеніе писателя съ читателемъ и посильное осуществленіе ихъ взаимнаго услышанія.

«Ревизоръ» удѣляетъ особое мѣсто свободной критикѣ въ отдѣлѣ «Свободная Трибуна», столбцы которой открыты выразителямъ любого мнѣнія, при одномъ лишь условіи — лойяльности.

«Ревизоръ» содержитъ и отдѣлы: сатирическій — «Ревизія», и — «Журналъ Журналовъ», названія которыхъ исчерпываютъ ихъ назначеніе.

АНТ. ЛАДИНСКІЙ.

ЭЛЕОНОРА.

РАЗСКАЗЪ

Нѣсколько ночей, мнѣ снился одинъ и тотъ же сонъ. Мнѣ снилась какая-то незнакомая страна, пыльная дорога и, быстро плывущія облака. По обѣимъ сторонамъ дороги простирались пустынныя поля и нивы, покинутыя хлѣбопашцами, поросшія сорными травами, — скудный и печальный пейзажъ.

Еще мнѣ снились разоренныя жилища со слѣдами недавнихъ пожаровъ и странныя деревья, на которыхъ висѣли трупы повѣшенныхъ. На далекихъ холмахъ голубѣли смутныя рощи, и стаи грузныхъ воронъ, низко летали надъ землей. Потомъ я просыпался и уже не было ни дороги, ни полей, ни воронъ. Такъ повторялось нѣсколько ночей подрядъ.

Однажды я увидѣлъ, что по знакомой дорогѣ, поднимая облако пыли, медленно пробирается отрядъ всадниковъ. Все было ясно, какъ на яву. Я увидѣлъ, что я самъ ѣду на конѣ, а рядомъ со мной какой-то хмурый человѣкъ въ широкополой шляпѣ и въ походномъ плащѣ. У незнакомца усталое и мрачное лицо, закрученные вверхъ усы и острая бородка, какъ у генераловъ Валленштейна. На его грубомъ кожанномъ колетѣ кружевной воротникъ — розы и брюссельскіе ромбы. И вдругъ я замѣчаю, что и на мнѣ такой же колетъ, такой же кружевной воротникъ и палашъ на широкой портупеѣ. Никто ничего мнѣ не говоритъ, но я почему то знаю, что мой спутникъ — капитанъ фонъ-Торнау, начальникъ отряда.

Опершись о горячій крупъ коня, я оборачиваюсь назадъ. Всадники ѣдутъ молча. Цокаютъ подковы. Кони худы, какъ послѣ мѣсячнаго перехода. За кавалеріей слѣдуютъ обозы — длинныя, похожія на гробы повозки на огромныхъ скрипучихъ колесахъ. Меланхоличные волы, по шести въ упряжкѣ, тащатъ фургоны и неуклюжія пушки. Шествіе замыкаетъ отрядъ пѣхоты съ мушкетами на плечахъ.

— Ландскнехты, — думаю я, — средніе вѣка!

Но я ничему не удивляюсь, какъ будто всю жизнь прожилъ въ этой странной обстановкѣ.

Кругомъ — печальныя поля, и вороны по прежнему летаютъ надъ пыльной дорогой. На горизонтѣ синѣютъ туманныя горы.

— Штирія, — говоритъ капитанъ фонъ-Торнау, штирійскія горы.

И я опять не удивляюсь, что понимаю по нѣмецки.

— А тамъ, — показываетъ онъ рукой въ боевой перчаткѣ, — тамъ живетъ Элеонора. Тамъ расположенъ Нотенгаузенъ.

Я смотрю въ ту сторону, куда онъ показалъ, гдѣ синѣютъ штирійскія горы, и мнѣ кажется, что за ними лежитъ какая-то милая сердцу страна, что тамъ живутъ люди, которыхъ я покинулъ въ слезахъ. И на моихъ глазахъ навертываются слезы, я плачу во снѣ.

Фонъ-Торнау опять говоритъ мнѣ о Элеонорѣ.

— Элеонора вяжетъ шарфъ и думаетъ о васъ.

— Когда же мы вернемся къ не4? — спрашиваю я.

— Мы вернемся къ ней, — отвѣчаетъ капитанъ, — когда Армія Густава-Адольфа покинетъ предѣлы Даніи.

Но вотъ облака совсѣмъ закрываютъ солнце. Въ отрядѣ происходитъ какое то замѣшательство. Фонъ-Торнау кричитъ и машетъ рукой. Всадники спѣшно перестраиваются. Обозные погонщики щелкаютъ бичами, и волы, вздымая пыль, вытаскиваютъ пушки на холмы. Тарахтятъ ведерки подъ фургонами.

— Вы замѣните меня въ случаѣ моей смерти, и поведете отрядъ дальше, къ Яну Струмилѣ, на соединеніе съ войсками графа фонъ-Мансфельда, — кричитъ капитанъ и его голосъ мѣшается съ ревомъ воловъ, съ лихорадочнымъ ржаньемъ коней.

У меня стучитъ сердце. Вѣтеръ шевелитъ страусовыя перья на шляпахъ офицеровъ. Огромное полотнище знамени полощетъ на вѣтру, какъ женское платье. Пушкари зажигаютъ фитили, и я слышу взволнованную нѣмецкую и славянскую рѣчь.

Теперь я могу видѣть, что изъ-за туманныхъ рощъ выѣзжаютъ конные люди и выстраиваются на полѣ.

— Впередъ! Впередъ! — кричитъ Торнау.

Сверкаютъ разомъ опущенныя копья нашей кавалеріи. Пушки гремятъ. Мы ле-

тимъ впередъ, и разстояніе между нами и непріятелемъ уменьшается съ необычайной быстротой. Изъ пушечныхъ жерлъ снова вырывается пламя и пухлые клубы дыма. Ядра со свистомъ разрѣзаютъ упругій воздухъ. Я размахиваю палащемъ, но вдругъ все закутывается туманомъ и пропадаетъ куда-то подъ аккомпанементъ необыкновенно мелодичной и сладкой музыки...

Когда я снова очнулся, я увидѣлъ, что лежу подъ деревомъ и надо мной склоняется усатое лицо капитана фонъ-Торнау.

— Какъ вы себя чувствуете? — спрашиваетъ меня капитанъ.

— Мнѣ тяжело дышать, — шопотомъ отвѣчаю я. — Дайте мнѣ пить!

Кто-то изъ солдатъ подноситъ къ моимъ губамъ плетеную флягу съ водой. Очевидно я раненъ, потому что моя грудь стянута бинтомъ.

— Капитанъ, — говорю я, — медальонъ, который вы найдете на моей груди, вы передадите Элеонорѣ. Скажите ей, что я буду ее ждать въ будущей жизни. На небесахъ. Тамъ мы будемъ, можетъ быть, счастливы...

— Лежите смирно, мой другъ, сейчасъ приведутъ лекаря! — успокаиваетъ меня капитанъ фонъ-Торнау.

Я никогда не видѣлъ Элеоноры, я не знаю какіе у нея глаза, какіе волосы и руки, но я чувствую къ ней необъяснимую нѣжность, и мнѣ такъ не хочется умирать. По моимъ щекамъ текутъ одна за другой медленныя слезы...

Я просыпаюсь. Въ моей отельной комнатѣ уже свѣтло. На столѣ мирнымъ ворохомъ лежатъ книги и листы бумаги. На дворѣ слышны громкіе трезвые голоса.

Боже мой, какой странный и долгій сонъ! Какъ передъ глазами стоитъ строй худыхъ лошадей, шевелятся страусовыя перья, трепещатъ знамя, малиновое, шелковое, напоминающее платье женщины. Мнѣ кажется, что я даже могу различить на бронзовыхъ пушкахъ литыя украшенія — ангеловъ, грифоновъ и суровый девизъ готическими буквами: « Ultima ratio ».

Дни текутъ одинъ за другимъ. Сонъ не повторился. Больше я уже не видѣлъ Элеоноры.

И только одинъ разъ, случайно, — такое совпаденіе — я услышалъ ея имя. Это было послѣ какого-то кинематографическаго просмотра, въ непроходимой толпѣ, валившей валомъ на улицу. Кто-то сказалъ, обращаясь къ молодой дамѣ:

— Элеонора, это вы?

— Да, это я. Вы знаете, я завтра уѣзжаю въ Германію.

— Въ Нотенгаузенъ?

— Въ Нотенгаузенъ. Мой женихъ раненъ на охотѣ. Въ грудь.

— Какое несчастье!

Я бросился на этотъ разговоръ, пытаясь, разглядѣть молодую женщину, но меня прижали къ стѣнѣ, я видѣлъ только нѣжный профиль, голубой глазъ, завитокъ золотистыхъ волосъ изъ-подъ черной шляпы. Потомъ я потерялъ ее изъ виду.

Ант. Ладинскій.

ДОВИДЪ КНУТЪ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Сижу не подъ роскошной елью,
И не на берегу морскомъ,
И на неприбранной постели
Корявымъ маленькимъ божкомъ.

Сижу безпамятный и голый
И слышу, какъ я пустъ — и радъ,
Большой веселостью веселый,
Большою радостью богатъ.

Сюда, въ мой уголъ, солнцемъ полный,
На мой возвышенный этажъ,
Какія-то доходятъ волны,
Сигналы радостныхъ пропажъ:

Въ смертельной тихой катастрофѣ
Пошли за эту ночь ко дну,
Пуды безплодныхъ философій
О смыслѣ воя на луну,

О томъ, что надо и — не надо,
О томъ, какъ быть и — какъ не быть.
И вотъ осталась мнѣ отрада
Свободно — безнадежно — жить.

Въ подвижничествѣ безполезномъ
Безцѣльно жаждать и спѣшить,
Любить и гибнуть безвозмездно
И безнаказанно грѣшить.

1928 г.

II.

Насъ утромъ будитъ древній волчій голодъ
И жадность древняя въ — еще густой — крови...
О, какъ намъ радостно отда ъ — рукой веселой
Всѣ сны — за крохи хлѣба и любви.

Но не насытиться! Подъ равнодушнымъ небомъ
Мы каждый день изнемогаемъ вновь,
Отдавши все за корку, корку хлѣба
И черствую насущную любовь.

Довидъ Кнутъ.

1929 г.

ВАЛЕНТИНЪ ГОРЯНСКІЙ.

Несостоявшееся свиданіе

РАЗСКАЗЪ

Въ девять часовъ вечера подъ Новый Годъ, медикъ и докторъ философіи Яковъ Шольцъ, накинулъ теплый плащъ, взялъ въ одну руку зажженный фонарь, въ другую палку, и вышелъ на улицу.

Мягкій, чуть влажный снѣгъ падалъ безшумно и стремительно. Д-ръ Шольцъ улыбнулся.

— Лети, лети, мой старый городъ. Вверхъ, вверхъ! Прямо къ небу! сказалъ онъ вслухъ.

Дѣйствительно, въ непрерывномъ и равномѣрномъ движеніи снѣжныхъ хлопьевъ, городъ какъ бы летѣлъ вверхъ, врѣзываясь въ синемолочную мглу ребрами круто бокихъ крышъ и островерхой колокольней черной каменной церкви.

Докторъ Шольцъ плотнѣе запахнулъ плащъ и бодрымъ шагомъ направился къ своему другу, тоже медику и доктору философіи, господину Гроссу.

Докторъ Шольцъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Такое рѣдкое обиленіе снѣга веселило его, а любимый городъ въ преображенномъ зимнемъ видѣ казался ему еще милѣй, чѣмъ обычно.

— Я напрасно взялъ фонарь, сказалъ докторъ Шольцъ самому себѣ, поскользнувшись на снѣгу и возстановивъ равновѣсіе путемъ ряда тѣлодвиженій, нелѣпыхъ быть можетъ для посторонняго наблюдателя, но вѣроятно вполнѣ логическихъ и цѣлесообразныхъ.

И правда, фонарь былъ вовсе не нуженъ доктору Шольцу. Во всѣхъ окнахъ горѣли огни, и свѣта, ихъ, умноженнаго снѣжнымъ блескомъ, было достаточно для того, чтобы не сбиться съ дороги.

Дружественныя семьи и пріятельскія компаніи уже собирались у нарядныхъ столовъ. Смѣхъ и пѣніе доносились изъ каждаго дома,вмѣстѣ съ ароматами глинтвейна, празничныхъ пироговъ и жареной птицы.

— Не слишкомъ ли я запоздалъ? — опять обратился самъ къ себѣ докторъ Шольцъ.

Онъ досталъ часы, приподнялъ фонарь и взглянулъ на стрѣлки.

— Какъ! — воскликнулъ докторъ Шольцъ, — часы стоятъ? Вотъ непріятный сюрпризъ. Очень странно. Они должны были бы ходить еще до завтрашняго утра.

Докторъ Шольцъ поставилъ фонарь на дорогу, палку воткнулъ въ сугробъ и продѣлалъ съ часами все, что дѣлаетъ каждый, обнаружившій порчу своего хронометра. Онъ приложилъ часы сначала къ одному уху, потомъ къ другому. Онъ потрясъ ими въ воздухѣ и опять послушалъ. Онъ мягко стукнулъ ребромъ часовъ о растянутую ладонь и, послушавъ еще разъ, недоумѣнно пожалъ плечами.

Въ это время, въ сіяющемъ снѣжномъ потокѣ, явилась маленькая фигурка горбатаго человѣка и прозвучалъ голосъ:

— Добрый вечеръ, господинъ докторъ. Съ наступающимъ Новымъ Годомъ.

— Вотъ такъ, такъ! — расхохотался д-ръ Шольцъ — на охотника и звѣрь бѣжитъ. Здравствуйте, Гансъ. Посмотрите, кажется мои часы испортились?

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, господинъ докторъ. Три года прошло съ того времени, какъ я чинилъ ихъ въ послѣдній разъ.

— Возмите же ихъ, Гансъ, я зайду за ними черезъ недѣлю. Но что же я буду дѣлать теперь? Встрѣтить Новый Годъ безъ часовъ, это все равно, что выплыть въ море безъ компаса, а кромѣ того я люблю ихъ тиканье у себя на груди. Будто второе сердце. На всякій случай, если первое остановится.

— Я могу предложить вамъ на это время, господинъ докторъ, другіе часы. Я ихъ только что починилъ. Къ сожалѣнію, мой кліентъ еще вчера уѣхалъ изъ города на довольно продолжительный срокъ. Къ Къ большому сожалѣнію, докторъ. Мнѣ очень нужны были деньги.

— Это мы сейчасъ уладимъ — сказалъ докторъ Шольцъ, вынимая изъ кармана большую серебряную монету. Я давно знакомъ съ вами, Гансъ, и думаю, что не рискую ничѣмъ, если уплачу вамъ впередъ за работу. Часами же вашими я съ удовольствіемъ воспользуюсь. До свиданія, Гансъ.

— Счастливо встрѣтить Новый Годъ, господинъ докторъ — сказалъ горбатый часовщикъ, удаляясь и сжимая въ рукѣ такъ неожиданно полученныя имъ деньги.

***

Ученыя друзья Іоганна Гросса уже вошли въ полной мѣрѣ во вкусъ веселой новогодней пирушки.

Хорошо, что ни одинъ студентъ не могъ ни заглянуть сюда черезъ высокія окна, ни услышать содержанія остроумныхъ пѣсенъ сквозь толстыя стѣны дома профессора. Очень хорошо. Иначе въ университетѣ авторитетъ грозныхъ преподавателей утерянъ былъ бы безвозвратно.

Доктора Шольца встрѣтили шумными привѣтствіями и шутливой пѣсенкой въ его честь на латинскомъ языкѣ.

Докторъ Шольцъ, одинъ,
А лягушекъ милліоны,
Но всѣ онѣ погибнутъ
Во славу медицины
Подъ ланцетомъ доктора Шольца.

Яковъ Шольцъ занялъ мѣсто и, разыскавъ глазами Гертруду, дочь хозяина, тревожно и вопросительно посмотрѣлъ на нее. Повидимому, въ ея глазахъ онъ прочелъ нѣчто весьма красирѣчивое и дѣйствующее на него успокоительно.

Докторъ Шольцъ бодро подставилъ свой стаканъ подъ кранъ боченка, взгроможденнаго на середину низкаго, обильнаго праздничной снѣдью стола.

Какъ это случилось такъ, что онъ, 36-лѣтній, одинокій, углубленный въ науку человѣкъ, полюбилъ эту дѣвушку, дочь своего друга, которую носилъ на рукахъ, когда она была еще совсѣмъ маленькой! Какъ это случилось? И какъ рѣшился онъ написать ей это письмо, столь нѣжно влюбленное и откровенно страстное, что оно вполнѣ могло бы быть названо, при желаніи, безнравственнымъ.

Восемнадцать лѣтъ разницы между ними — это ли не глубочайшая пропасть, это ли не высочайшая стѣна!

«О Гетруда — писалъ онъ — я вступилъ на незнакомый мнѣ путь обмана. Когда двѣ недѣли тому назадъ я украдкой коснулся твоей руки подъ столомъ, мысли мои помутились. Ахъ, Гетруда! Ты отвѣтила мнѣ чуть замѣтнымъ пожатіемъ. Милая, вѣдь это былъ внезапный заговоръ противъ твоихъ родныхъ и благопристройности. О Гертруда, прелестная моя сообщниница! Да, я беру на себя смѣлость назвать тебя такъ и раздѣлить съ тобой преступленіе. Твой отецъ ждалъ отвѣтнаго моего хода. Я преждевременно взялъ турой его королеву, хотя за минуту раньше зналъ, что это ловушка. Ахъ, какъ ты радовалась побѣдѣ твоего отца, Гертруда, и моему пораженію. Всѣ ли поцѣлуи предназначались ему? Его ли искуству ты радовалась? Не своей ли восхитительной власти, въ которой только что убѣдилась. Радуйся пробужденію обольшающей твоей весны! Въ тотъ вечеръ я понялъ, что вся моя жизнь для тебя. И развѣ не была она — моя жизнь — суровымъ подвигомъ поста, воздержанія и работы? Я готовился встрѣтить тебя, и встрѣтилъ. И не зналъ никогда, что это будешь ты. Вотъ я славлю твое святое преображеніе, Гетруда, маленькая дочь моего друга, разбивавшая реторты въ момоей лабараторіи и пугливо убѣгавшая домой. Придешь ли ты, Гетруда, ко мнѣ, сказать первое и послѣднее «да»? Я давно не вижу тебя одну, Гертруда. Книги твоего отца лежатъ на моемъ столѣ. Я все забываю ихъ. Быть можетъ, ты пріидешь за ними?

Госпожа Гроссъ внесла жареную индѣйку, и Гетруда стала освобождать для нея мѣсто на столѣ.

— Вотъ вамъ другая тарелка, господинъ докторъ — сказала Гертруда.

Она поставила передъ Яковомъ Шольцемъ тарелку и, вспыхнувъ, уронила ему на колѣни записку.

Докторъ Шольцъ прочелъ ее. Одно только слово: «приду».

— Безъ пяти минутъ двѣнадцать! Наливайте вино. Новый годъ наступаетъ! — воскликнулъ господинъ Гроссъ.

Всѣ, какъ по уговору, полѣзли за своими часами и кругомъ защелкали крышки.

Докторъ Шольцъ вынулъ часы, полученные имъ отъ горбатаго мастера, и только сейчасъ разглядѣлъ ихъ.

Это были замѣчательные часы. Массивные, яйцеобразной формы, щедро покрытые золотой рѣзьбой, темно-синей эмалью и инкрустаціями слоновой кости.

Докторъ Шольцъ взглянулъ на потемнѣвшій отъ времени циферблатъ и замѣтилъ надпись, расположенную кругами на внутренней сторонѣ крышки. Съ напряженіемъ взглядываясь въ полустертыя буквы, онъ прочелъ:

«Направо полетѣлъ жаворонокъ въ полѣ, и одна судьба всему живому, налѣво полетѣлъ онъ — и уже другая судьба. Вотъ опускается на цвѣтокъ, и черезъ тысячу лѣтъ родится герой; вотъ оборвалъ пѣсню, и чьей то любви уже не увѣнчаться. Помни, живущій во второй разъ».

Докторъ Шольцъ не любилъ темной символики старыхъ мистическихъ школъ. Онъ строилъ свое міровоззрѣніе на изученіи силъ природы. Онъ обладалъ великолѣпнымъ гербаріемъ изъ двадцати тысячъ растеній и, указывая на него пріятелямъ, говорилъ: «Вотъ Евангеліе мое. Вотъ книга о смыслѣ жизни».

— Однако, часы слишкомъ идутъ впередъ — сказалъ Шольцъ. — Іоганнъ. сколько теперь?

— Безъ одной минуты двѣнадцать. Бери стаканъ, старикъ, сейчасъ чокнемся, отвѣтилъ докторъ Гроссъ.

Часы Шольца были впередъ на десять минутъ. Онъ вставилъ ключикъ и повернулъ тугія, непослушныя стрѣлки назадъ. Въ тотъ же моментъ случилось нѣчто необычайное. Тысячи смерчей подхватили доктора Шольца и перебрасывая между собой, помчали въ какой то совсѣмъ непостижимой ему средѣ. Онъ съ ясностью воспринималъ движеніе, но совершалось оно не въ пространствѣ и не было движеніемъ въ извѣстномъ ему до сихъ поръ смыслѣ.Смерчи свергались на него взвинченными столбами, подхватывали его и несли въ чудесномъ полетѣ. Онъ ощущалъ себя и отдѣльно въ каждомъ изъ нихъ, и одновременно во всѣхъ вмѣстѣ. Порой же казалось ему, что не онъ въ нихъ, а они въ немъ, изнемогающемъ въ какомъ то колдовскомъ процессѣ. Сумбурные звуки то удалялись, то приближались. Громы и шорохи, восклицанія и пѣсни, удары молота о наковальню, чириканье птицъ и рожокъ дорожнаго дилижанса — все это падало въ нѣкую пропасть и возникало вновь. То же съ цвѣтами и красками, съ запахами и температурой, съ каждымъ изъ его внѣшнихъ чувствъ, освобожденныхъ сейчасъ и приведенныхъ въ таинственное вращеніе. Солнечно-зеленое надвигалось на него, пронизывая тепломъ и обвѣвая ароматами полевыхъ цвѣтовъ. Голубыя и бѣлыя сіянія охватывали его холодомъ и снова смѣнялись яркой и животворящей игрой разбѣгающихся лучей и золотыхъ растекающихся пятенъ. Все это совершалось гдѣ то за равномѣрнымъ мельканіемъ черныхъ полосъ. Такъ ребенокъ, бѣгущій мимо забора, видитъ сквозь его переплетъ клумбы, деревья, бесѣдки и куски синяго неба.

На моментъ докторъ Шольцъ ощутилъ себя катушкой, съ которой сматывалась длиннѣйшая нить.

Вдругъ, ударъ, острая боль въ ногѣ, и все остановилось.

**
*

Яковъ Шольцъ пришелъ въ себя на виноградникѣ. Онъ лежалъ въ густой травѣ подъ вишней, осыпанной спѣлыми пунцовыми ягодами. Собирался дождь. Низкія тучи застилали небо. Тихая, мирная задумчивость была въ природѣ.

Яковъ Шольцъ вспомнилъ, что онъ собиралъ вишни. Сучекъ, о который онъ оперся ногой, не выдержалъ его тяжести и подломился. И вотъ онъ упалъ и, падая, на мгновеніе потерялъ сознаніе. Ушибленная нога сильно болѣла. Яковъ Шольцъ сѣлъ на травѣ и обомлѣлъ, охваченный неизъяснимымъ страхомъ. Также точно онъ упалъ когда то, подъ этимъ же самымъ деревомъ лежалъ въ такой же позѣ, съ такими же ощущеніями. Также собирался дождь и хмурилось небо. Все это было уже однажды.

— Что такое со мной! — вскричалъ онъ въ тоскѣ. — Что такое?

Виноградникъ убѣгалъ внизъ и заключался живой изгородью, изъ за которой виднѣлась крыша его родного дома, осѣненная старымъ каштаномъ.

— Но вѣдь это же сонъ! Это сонъ! Я сплю! Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Онъ бросился въ траву, закрылъ глаза, замеръ въ неподвижности, а слухъ его улавливалъ ясные звуки, нога ощутимо болѣла; какая то букашка щекотала за ухомъ, и первыя теплыя капли лѣтняго дождя шуршали надъ нимъ, и одна изъ нихъ упала ему на щеку.

Докторъ Шольцъ снова встрепенулся въ ужасѣ передъ своимъ безуміемъ.

— Спокойствіе, спокойствіе — говорилъ онъ, въ то время, какъ сердце его билось съ послѣдней скоростью, неуправляемыя мысли тѣснились въ его мозгу, возникали съ дикой самостоятельностью, врывались внезапными образами и сталкивались между собой въ паническомъ безпорядкѣ, какъ пассажиры тонущаго корабля.

— Спокойствіе, спокойствіе! Я докторъ Яковъ Шольцъ. Я за столомъ у Іоганна Гросса встрѣчаю Новый Годъ. Не бойся, дружище!

Яковъ Шольцъ дотронулся до своего лба, провелъ ладонями по лицу и встрѣтилъ подъ ними нѣжную кожу безъ единаго волоска. Безъ единаго волоска — онъ, бородатый докторъ Шольцъ.

— Да, да, я во власти видѣній. Я лишился разсудка — пробормоталъ онъ. Но все же спокойствіе, спокойствіе. Безумію противопоставь свою крѣпкую волю, ты вѣдь упрямый парень, Яковъ, а разбить о камень голову успѣешь всегда.

Шольцъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и увидѣлъ въ травѣ часы — яйцеобразные, богатой отдѣлки, покрытые эмалью, слоновой костью и золотомъ. Это были тѣ самые часы. Онъ быстро поднялъ ихъ. Въ какой то надеждѣ прижалъ къ груди, но, увы, ихъ свидѣтельство было противъ его разума. Они подтверждали его безуміе. Стрѣлки ихъ остановились на двѣнадцати.

— Яковъ, обѣдать! Мама ждетъ. Иди обѣдать, послышался звонкій дѣтскій голосъ. И потрясенный Шольцъ узналъ голосъ своей маленькой сестры Маргариты.

— Мама ждетъ, — повторила настойчиво дѣвочка, перевѣшиваясь черезъ изгородь. Поманила рукой и убѣжала.

Медикъ и докторъ философіи Яковъ Шольцъ, называвшій Евангеліемъ свой гербарій изъ двадцати тысячъ растеній, упалъ на колѣни.

— Господи, что Ты сдѣлалъ со мною! Я самъ хоронилъ мою мать, я самъ плакалъ надъ ея гробомъ. Какъ она можетъ звать меня? И развѣ не самъ я выдалъ Маргариту замужъ, а вотъ она снова дитя. Какъ я войду въ домъ? Какъ загляну въ глаза матери, которые видѣлъ уже сомкнутыми навѣки?

Яковъ Шольцъ осѣнилъ себя крестомъ и направился къ дому. Узкую тропинку преграждала соскользнувшая съ тычины лоза. Онъ поднялъ ее, укрѣпилъ колъ и подвязалъ вѣтку мочаломъ. И это тоже было во второй разъ. Каждый шагъ во второй разъ, каждый жестъ, каждая мысль, кромѣ одной неотвязной, мучительной, сводящей съ ума мысли о его длинномъ и ясномъ прошломъ, которое стало отнынѣ будущимъ.

Онъ вошелъ во дворъ и увидѣлъ вокругъ себя множество предметовъ, близкихъ ему, родныхъ и знакомыхъ. Такихъ милыхъ и такихъ ужасныхъ. Совсѣмъ простыхъ, обыкновенныхъ, нужныхъ предметовъ домашняго обихода, и въ то же время ужасныхъ. Всѣ они вернулись изъ небытія, столпились вокругъ него призраками. Страшная двойственность властвовала надъ нимъ. Съ одной стороны онъ просто зналъ. Съ другой узнавалъ. Его любимая собака, остромордый Вольфъ подбѣжала къ нему, и онъ отшатнулся отъ нея, затрепетавъ. Милый, веселый Вольфъ, погибшій такъ печально. Его лягнулъ вотъ этотъ черный жеребецъ

который сейчасъ жуетъ подъ навѣсомъ свѣже высушенный клеверъ.

— Не лягнулъ, а лягнетъ — поправилъ себя докторъ Шольцъ, опять замеръ въ тоскѣ и простоналъ:

— О, Господи, Боже мой!

Онъ быстро пересѣкъ дворъ, вбѣжалъ на крыльцо, ворвался въ домъ и увидѣлъ мать. Она рѣзала хлѣбъ, наклонившись надъ столомъ.

Яковъ Шольцъ впился въ нее глазами, раскинулъ руки, какъ для объятія, зашатался и бросился къ ея ногамъ.

— Мамочка, мамочка, спаси меня! Мамочка, страшно мнѣ. Обними, закрой меня, защити! Родная моя, родная. — закричалъ Шольцъ и лишился сознанія.

Весь домъ всполошился. Прибѣжали работники и сосѣды. Мать плакала надъ распростертымъ тѣломъ своего мальчика. Онъ всегда былъ здоровъ и веселъ. Что случилось съ нимъ? Какая грозная болѣзнь вошла въ него? Маргарита прикладывала къ пылающей головѣ брата полотенце, смоченное холодной ключевой водой и плакала тоже.

Кто то видѣлъ, какъ Яковъ упалъ съ вишни.

— Онъ повредилъ себѣ голову при паденіи, это бываетъ.

— Все это отъ книгъ, — говорилъ старый сосѣдъ бочаръ Баумъ, — Отъ книгъ. Твой Яковъ не разстается съ ними. Зачѣмъ ему понадобилось университетъ? Оставался бы онъ у насъ и училъ ребятишекъ.

Три дня въ бреду и жару метался Яковъ, на четвертый открылъ глаза. Было раннее утро. Въ раскрытое окно врывались легкія дуновенія свѣжаго вѣтра. Въ подвѣшанной на косякѣ зеленой клѣткѣ распѣвалъ щеголъ. Иногда онъ бросался въ блюдце съ сіяющей на солнцѣ водой, и купался. Тогда зайчикъ на потолкѣ раздроблялся на живыя, веселыя звѣзды, разбѣгающіяся по сторонамъ. Сверху, въ окно, заползала вѣтка глициніи. Двѣ пчелы никакъ не могли рѣшиться сѣсть на нее и летали вокругъ съ успокаивающимъ душу бархатнымъ звономъ.

Яковъ лежалъ въ своей давней комнатѣ, и куда бы ни падалъ его взглядъ всюду находилъ онъ друзей своей юности, вновь ему возвращенной.

Книги, тетради, ружье въ углу, тыквенная пороховница и мѣшечекъ свинца на стѣнѣ, подъ скрещенными студенческими рапирами. Три мѣсяца тому назадъ онъ участвовалъ въ первой своей дуэли.

Болѣзнь успокоила Якова Шольца, умиротворила его, ослабила физически. Сомнѣніе запало ему въ сердце. Да правда ли это? Дѣйствительно ли былъ онъ докторомъ Шольцемъ, влюбленнымъ въ Гертруду, дочь своего друга, Іоганна Гросса?

Всего только годъ, какъ женился Іоганнъ Гроссъ на хозяйственной Августинѣ, которая готовится теперь стать матерью. Это можетъ случиться каждый день... Каждый день можно ожидать рожденія Гертруды.

Яковъ поймалъ себя на этой мысли. Слабая улыбка скользнула по его лицу.

— Кажется, я хочу сдѣлаться предсказателемъ будущаго, — пробормоталъ онъ, и волненіе вновь охватило его... Онъ опять увидѣлъ эти часы. Они лежали на столикѣ подлѣ его кровати и молча свидѣтельствовали о его минувшемъ будущемъ.

Яковъ вспомнилъ Ганса, часовщика, свой приходъ къ Іоганну Гроссу, веселый праздничный шумъ, и прекраснѣйшимъ видѣньемъ встала передъ нимъ Гертруда, возлюбленная его невѣста.

— Гертруда, Гертруда! — простоналъ онъ.

Страхи и ужасы Якова передъ лицомъ невѣроятныхъ встрѣчъ — померкли. Пребываніе среди призраковъ уже не грозило ему безуміемъ. Онъ не боялся больше встрѣтить мать и возставшихъ изъ гробовъ старыхъ милыхъ сосѣдей. Онъ не боялся больше вернувшихся въ свои колыбели и въ невѣденіи повторявшихъ уже пройденный однаждый путь.

Призраки, призраки! Развѣ этотъ домъ не сгорѣлъ въ ту весну, когда онъ получилъ докторскую степень. И вотъ онъ возсталъ изъ угля и пепла въ достиженіе чьихъ то невѣдомыхъ цѣлей. Но Яковъ больше не боялся ни этихъ таинственныхъ стѣнъ, ни возникшаго изъ вѣчности легіона случаевъ, лицъ, вещей и событій. Въ ослѣпительномъ солнцѣ его отчаянія и тоски по Гертрудѣ исчезло все, что только что казалось невыносимымъ. Яковъ взялъ часы, раскрылъ ихъ и прочелъ уже знакомую ему надпись.

«Направо полетѣлъ жаворонокъ въ полѣ, и одна судьба всему живому; налѣво полетѣлъ онъ—и уже другая судьба. Вотъ опускается на цвѣтокъ, и черезъ тысячу лѣтъ родится герой; вотъ оборвалъ пѣсню, и чьей то любви уже не увѣнчаться. Пожни, живущій во второй разъ».

Яковъ положилъ часы на столъ; былъ онъ еще слабъ отъ пережитыхъ потрясеній, но мозгъ его работалъ съ удивительной остротой. Онъ ясно представлялъ себя докторомъ Шольцемъ и вспоминалъ свое прошедшее, подлинно бывшее съ нимъ и связанное съ судьбами его родныхъ, друзей и близкихъ. Это прошедшее немедленно обращалось въ прозрѣваемое имъ будущее, какъ только онъ осознавалъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ сейчасъ въ дѣйствительности, т. е. восемнадцатилѣтнимъ студентомъ Яковомъ. Совершенно неожиданно для себя онъ увидѣлъ будущую судьбу всѣхъ, съ кѣмъ такъ или иначе входилъ въ соприкосновеніе и различилъ вдали событія, которыхъ уже былъ свидѣтелемъ.

Смерти, болѣзни, несчастія, роковыя ошибки, стихійныя бѣдствія, слезы родителей, преступленія, возмутительные обманы и не сбывшіяся надежды — все это выросло передъ нимъ заклятой черной чащей. Сквозь нее онъ долженъ пройти къ прекрасной Гертрудѣ, не вмѣшиваясь въ порядокъ жизни, ничего не предупреждая, скрывая ото всѣхъ свое знаніе, попустительствуя и какъ бы одобряя все, ибо: «направо полетѣлъ жаворонокъ въ полѣ, и одна судьба всему живому; налѣво полетѣлъ онъ — и уже другая судьба».

Стоитъ одному только цвѣтистому осколку перемѣститься въ трубкѣ калейдоскопа, и уже никогда не повторится прежній узоръ и никогда не завершиться тридцать-шестому году жизни Якова кроткимъ сіяніемъ голубыхъ глазъ Гертруды.

— Такъ пусть же будетъ такъ, какъ было. Принимаю тебя, моя вторая жизнь и нечего мнѣ исправить въ ней... Всѣ пути ея ведутъ къ тебѣ одной, Гертруда, промолвилъ Яковъ.

Въ это время вошла мать. Она съ радостью убѣдилась, что болѣзнь оставила ея сына, что взоръ его осмысленъ, слова разумны, жесты спокойны и увѣрены. Ослѣпленная счастьемъ, она не замѣтила холода въ его рѣчахъ и ожесточенной рѣшительности въ линіи рта.

На слѣдующій день къ Якову пришелъ маленькій Фридрихъ, сынъ сосѣда.

— Сдѣлай мнѣ поплавокъ, — сказалъ онъ и подалъ кусокъ сосновой коры.

Яковъ взялъ ножъ и сталъ вытачивать поплавокъ. Маленькій Фридрихъ игралъ подлѣ и, неумолкая, разсказывалъ свои прелестныя, дѣтскія новости.

Поплавокъ былъ сдѣланъ очень скоро.

Екатерина Тауберъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

На крышахъ сушится бѣлье,
Летаютъ голуби и вѣтеръ,
И море въ жалкое жилье
Стучится грозно на разсвѣтѣ.

И на разсвѣтѣ я дышу
Соленымъ воздухомъ свободы.
Не жалуюсь и не ропщу
И не кляну земные годы.

И если даже домъ снесетъ
Волна высокая прибоя,
Тотъ чудный міръ и воздухъ тотъ
Всегда останутся со мною.

Яковъ протянулъ его мальчику и вдругъ отдернулъ руку назадъ.

— Что ты такъ на меня смотришь? — спросилъ Фридрихъ. — Дай же мнѣ поплавокъ.. .

Яковъ не отвѣчалъ ничего. Онъ вспомнилъ. Онъ вспомнилъ, что Фридрихъ нацѣпитъ поплавокъ на лесу, пойдетъ на рѣку ловить рыбу, захочетъ выкупаться и утонетъ.

Онъ вспомнилъ, какъ ночью, съ фонарями, сосѣди будутъ ѣздить по рѣкѣ и ощупывать баграми дно, а мать Фридриха рыдать на берегу, прижимая къ груди одежду своего ребенка. Тѣльце его найдутъ. Завтра и послѣзавтра будетъ слышенъ горькій плачъ несчастной матери. На третій день его понесутъ хоронить. И дѣти сверстники чинно пойдутъ за его маленькимъ гробомъ съ пѣньемъ священныхъ стиховъ.

Яковъ закрылъ глаза, сомнѣваясь, колеблясь и содрогаясь. Но несостоявшееся свиданіе съ Гертрудой ожидало его. Ничего, ничего нельзя измѣнить, нельзя ни во что вмѣшаться. Тѣмъ же самымъ слѣдомъ должна пройти вторая жизнь, чтобы снова была Гертруда.

Онъ рѣшительно протянулъ Фридриху поплавокъ и, не глядя на мальчика,быстро вышелъ во дворъ, оттуда на виноградникъ. Тамъ онъ легъ подъ вишней лицомъ къ землѣ, и такъ лежалъ.

Вечеромъ онъ со всѣми вмѣстѣ искалъ тѣло бѣднаго Фридриха. Ѣздилъ въ лодкѣ съ фонаремъ и багромъ обшаривалъ дно, вспугивалъ дремлющихъ рыбъ, вглядывался со страхомъ въ таинственные сады водорослей, колеблемыхъ теченьемъ и съ тоской прислушивался къ крикамъ бѣдной матери Фридриха.

— Для тебя, для тебя, Гертруда — думалъ Яковъ — прими мою жертвву.

Мальчика нашли къ утру. Онъ какъ бы стоялъ на колѣняхъ у черной коряги на пескѣ, въ позѣ молящагося. Старый рыбакъ, нашедшій его, растерялся, задрожалъ, выронилъ изъ рукъ весло и заплакалъ дѣтскимъ плачемъ.

На похоронахъ Яковъ особенно низко и почтительно поклонился Августинѣ, которая несла въ чревѣ своемъ его любовь. Молодая женщина шла съ матерью маленькаго Фридриха и горько плакала съ нею вмѣстѣ. Потерять дитя — какая боль! Она еще не видѣла своего ребенка, но обремененная, уже сладостно его любила.

— Для себя, для тебя, Гертруда!

Этими словами пытался оправдаться Яковъ передъ совѣстью. Онъ не переставалъ чувствовать себя убійцей мальчика. Голова его кружилась отъ противорѣчивыхъ мыслей, земля плыла подъ ногами, а сердце измѣнило ритмической точности, сбилось со счета и грозило то разорваться въ волненіи, то совсѣмъ остановиться и замереть.

Сметенный шелъ Яковъ домой, угнетенный несчастнымъ своимъ прозрѣніемъ. Всѣ, кого онъ ни встрѣчалъ, были такъ или иначе обречены и должны были бы ждать отъ него милосердція. Но онъ крѣпко-накрѣпко замкнулся отъ всѣхъ чувствъ, кромѣ любви къ Гертрудѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не виноватъ ни въ чемъ. Не я предрѣшаю, не я казню. Не я ваша судьба, я только случайно знаю ея предначертанія...

И удивлялся Яковъ, сколько бѣдствій созрѣвало вокругъ него, сколько утратъ и огорченій.

— Но вѣдь есть и радости. Я тоже не мѣшаю имъ входить въ дома успѣхомъ въ дѣлѣ, отвѣтомъ въ любви, здоровьемъ, урожаемъ, отправданіемъ оклеветаннаго, благополучнымъ возвращеніемъ съ дальней дороги, предотвращеннымъ пожаромъ, удачной покупкой и нечаянной находкой давно утеряннаго.

Но такъ только хотѣлъ обмануть себя Яковъ.

— Какъ нехорошо, что я живу въ маленькомъ городѣ. Со всѣми, со всѣми связанъ, всѣ на глазахъ! — посѣтовалъ Яковъ.

Вечерами, лежа въ кровати, онъ опять и опять предавался мечтаніямъ о Гертрудѣ. Онъ ждалъ ея рожденія съ нетерпѣніемъ и тревогой и затаеннымъ восторгомъ. Онъ снова видѣлъ ее восемнадцатилѣтней дѣвушкой на праздникѣ у ея отца. И она говорила: приду.

Въ злобѣ и тоскѣ сжималъ свою голову Яковъ.

— Проклятый Гансъ. Это твои часы отодвинули мое счастье на 18 лѣтъ. Это ты навязалъ мнѣ невыносимую вторую жизнь. Но подожди, мы встрѣтимся съ тобой и ты уже не всучишь мнѣ этой дьявольской игрушки.

***

Однажды, у церкви, онъ увидѣлъ какія то странныя сооруженія. Воздвигались лѣса. Цѣпи, канаты и блоки лежали на травѣ у ограды. Дѣти воробьиными стайками перепархивали съ мѣста на мѣсто. Гансъ, ученикъ часовщика, стоялъ тутъ же и слушалъ разговоры взрослыхъ. Изъ своихъ горбовъ онъ глядѣлъ, какъ заяцъ изъ качна капусты. Былъ жалокъ и милъ. Съ ненавистью взглянулъ на него Яковъ.

— Значитъ, подымать будемъ завтра?

— Да, послѣ мессы.

— А епископъ?

— Епископъ пріѣдетъ сегодня вечеромъ.

Яковъ прислушался къ разговору и поблѣднѣлъ. Онъ вспомнилъ все. Завтра, въ воскресенье, подъемъ новаго колокола. Радостное торжество, которое окончится великимъ несчастьемъ. Лопнетъ цѣпь, сорвется колоколъ въ праздничную богомольную толпу. Будетъ много убитыхъ, и среди нихъ его мать.

Яковъ бросился бѣжать. Онъ никого не видѣлъ изъ встрѣчныхъ, никого не узналъ. Онъ пришелъ въ себя въ лѣсу, на горѣ. Родной городъ его раскинулся передъ нимъ бѣлыми домиками, водяными мелницами вдоль ручья и садами. На горы къ далекимъ церквамъ, опираясь на палки, ползли виноградныя лозы, какъ усердные богомольцы. Уже вечерѣло. Солнце садилось и лучи его, прорываясь сквозь облака, были похожи на золотыя трубы. Вотъ, вотъ услышитъ земля торжественные звуки, въ невозможной красотѣ которыхъ сгоритъ всякая жизнь и взметнется къ небу звенящимъ прахомъ.

Ночь прошла въ лѣсномъ безпокойномъ шумѣ. Въ пискѣ летучихъ мышей, въ напряженномъ стрекотаньи цикадъ, въ шопотѣ, шорохѣ и жалобномъ плачѣ зайца.

Лѣсной сторожъ, старый Гейнрихъ, на разсвѣтѣ окликнулъ Шольца.

— Что такъ рано поднялся, Яковъ?

Онъ подошелъ къ Якову и заговорилъ о свадьбѣ своего сына. Онъ былъ счастливъ и гордъ. Невѣста изъ богатаго дома. Всякому большая честь породниться съ лавочникомъ Карломъ Офеномъ.

Яковъ опять вспомнилъ... Онъ уже зналъ, что свадьбѣ этой не быть. За три дня до нея юноша-женихъ будетъ уличенъ въ кражѣ и сядетъ въ тюрьму. Вмѣсто чести — горькій позоръ ждетъ стараго Гейнриха.

Лѣсной сторожъ уже давно ушелъ, когда въ тишинѣ сіяющаго лѣтняго утра Яковъ услышалъ стройное пѣніе многихъ голосовъ, щелканье бичей и медленный скрипъ колесъ.

Внизу, на дорогѣ, изъ за скалы показалась процессія. Двѣнадцать паръ воловъ, разукрашенныхъ зеленью, цвѣтами и лентами, влекли телѣгу, на которой поблескивалъ мѣдью новый колоколъ, утопающій въ вѣнкахъ изъ розъ и глициній. Нарядные литейщики шли по сторонамъ. Женщины въ бѣлыхъ платьяхъ съ кленовыми вѣтками въ рукахъ слѣдовали за ними и пѣли молитвы. Въ городѣ на чисто заметенныхъ улицахъ уже начиналось оживленіе, и отъ церкви навстрѣчу колоколу двинулась толпа горожанъ.

Яковъ, неподвижно сидѣлъ на своемъ холмѣ. Онъ зналъ все, что происходитъ тамъ, внизу; видѣлъ свою мать, раскатывающую тѣсто для праздничныхъ пироговъ и сестру Маргариту, которая сходила на чердакъ, принесла орѣховъ и сейчасъ размалываетъ ихъ для начинки и перемѣшиваетъ съ медомъ. Обѣ торопятся, чтобы не опоздать къ мессѣ. Вотъ уже готовые пироги лежатъ на столѣ, покрытые полотенцами. Толпа вокругъ церкви растетъ. Съ музыкой подходятъ цѣховые отряды. Весь городъ пустъ, вся жизнь вокругъ церкви. Вотъ кончена месса. Яркolиловое пятно загорѣлось въ толпѣ подлѣ колокола. Это епископъ читаетъ освящающія молитвы. И красныя пятна. Это мальчики служки прислуживаютъ ему. Вотъ колебаніе въ толпѣ. Мужчины натягиваютъ канаты и цѣпи. Колоколъ медленно подымается въ воздухѣ. Сейчасъ произойдетъ несчастье. Яковъ упалъ на колѣни.

— Тебѣ, Гертруда, тебѣ! — зарыдалъ онъ въ тотъ самый моментъ, когда лоп-

нули цѣпи, и упавшій колоколъ со звономъ разбился о каменныя плиты.

Второй разъ хоронилъ Яковъ старую мать, но уже не плакалъ надъ ея гробомъ, не глядѣлъ усопшей въ глаза и не приложился къ ласковымъ ея рукамъ послѣднимъ поцѣлуемъ. Темнымъ грѣшникомъ шелъ въ сторонѣ и въ одиночествѣ несъ непосильную ношу любви, преступленія, стыда и раскаянія.

Въ каждомъ злѣ на пути своемъ онъ повиненъ. Отвѣтъ на всѣ слезы взвалилъ на свои, юныя плечи.

— Тебѣ, Гертруда! — думалъ онъ и вдругъ понялъ, что прекрасная Гертруда никогда не приметъ его жестокихъ жертвъ, что чистую свою невѣсту оклеветалъ онъ, любовь оскорбилъ и уже недостоинъ больше радостной встрѣчи...

Яковъ пришелъ домой, и даже плачущей Маргариты не пустилъ къ себѣ. Все равно, онъ не посмѣлъ бы обратиться къ ней съ братской лаской и утѣшеніемъ.

Долго въ темнотѣ ночи лежалъ онъ съ открытыми глазами и вдругъ вздрогнулъ: кто то коснулся до него.

Это Вольфъ пробрался къ хозяину, положилъ ему переднія лапы на грудь и съ нѣжностью лизнулъ въ лицо.

— Милый Вольфъ, попалъ я въ бѣду, въ больрую бѣду! — простоналъ Яковъ, обнялъ собаку, прижалъ къ себѣ, какъ вѣрнаго друга, какъ послѣднюю надежду на жизнь.

На дворѣ заржалъ черный жеребецъ, и Яковъ опять вспомнилъ: завтра найдутъ Вольфа на дворѣ съ перебитымъ хребтомъ.

Яковъ вскочилъ, снялъ со стѣны ремень и крѣпко привязалъ Вольфа къ кровати.

«Направо полетитъ жаворонокъ въ полѣ, и одна судьба всему живому: налѣво полетѣлъ онъ — и уже другая судьба».

— Лети же налѣво, жаворонокъ — сказалъ Яковъ...

Чтобы случайно Вольфъ не вырвался изъ ремня, онъ связалъ ему лапы, стерегъ всю ночь, цѣлое утро и только въ полдень освободилъ его.

Вольфъ выскочилъ на дворъ и съ радостнымъ лаемъ кинулся навстрѣчу пришедшему Іоганну Гроссу.

— Здравствуй, Яковъ, сказалъ Гроссъ, пожимая руку пріятелю. — Да, да, я сочувствую твоему горю, Яковъ, вѣдь мать бываетъ у человѣка только одинъ разъ. Очень сочувствую, и мнѣ даже стыдно за мое счастье. Ты знаешь, моя жена только что родила мальчика. Я рѣшилъ назвать его въ честь твою Яковомъ. Вѣдь ты мой самый дорогой другъ.

Прощай, Гертруда, прощай навсегда! — воскликнулъ Яковъ къ великому удивленію Іоганна и зарыдалъ.

* * *

Совсѣмъ, совсѣмъ другими путями отнынѣ пошла жизнь. Каждый день убѣждался Яковъ, что не знаетъ онъ больше будущаго, что снова перепутались карты судебъ и опять блаженное повѣленіе возвратилось къ нему. Въ этомъ онъ скоро окончательно убѣдился на свадьбѣ сына лѣсного сторожа. Парень женился на дочери Карла Офена, и счастливый отецъ хлопалъ по плечу своего богатаго свата, пилъ старое вино, хохоталъ и все требовалъ, чтобы сноха съ нимъ поплясала.

Осенью, послѣ сбора винограда, Яковъ покинулъ родной городъ и поступилъ на корабль въ мореходы.

Былъ онъ честнымъ другомъ матросовъ и неутомимымъ труженикомъ въ тяжелой морской работѣ. Со всѣми вмѣстѣ отвоевывалъ у бурь свое судно и купеческое добро. Со всѣми вмѣстѣ чинилъ паруса и пѣлъ матросскія пѣсни въ тихіе вечера, когда солнце садилось въ море, въ золотое гнѣздо. И всегда было грустно Якову, когда какой нибудь встрѣчный корабль скрывался на горизонтѣ. Просвѣтленная печаль разставанія трогала его сердце и бередила сладкой болью.

Валентинъ Горянскій.

Поэтъ Довидъ Кнутъ, портр. раб. худ. Лошакова.

Безплатное приложеніе.

Предъявители специальныхъ талоновъ (на четвертой стр. облож , № 1 и № 2, получаютъ безплатно книгу:

„Господинъ Великій Новгородъ“

БОЛОТОВА

Обращаться въ контору журнала «РЕВИЗОРЪ»

Иногородніе благоволятъ приложить марку въ 1 фр. на пересылку.

ВАЛЕНТИНЪ ГОРЯНСКІЙ.

МѢЩАНСКІЙ МАНИФЕСТЪ

Граждане, переѣдемъ въ глухой уѣздъ,
Заселимъ неуклонно хуторъ за хуторомъ,
Развѣ уже не осталось мѣстъ —
Съ акварельными облаками раннимъ
утромъ?

Или городъ построимъ, Зеленыхъ Крышъ,
Валъ высокій вокругъ нароемъ,
Запретимъ отъ лица возлюбившихъ тишь
Въ этотъ городъ входить политикамъ и
героямъ.

Надоѣлъ, надоѣлъ намъ шумный плакатъ,
Пѣнящій мясо шрифтовъ красныхъ;
Знаменитыхъ именъ безобразный скатъ —
Задушимъ обыкновенныхъ и совершенно
частныхъ.

Отграничимся отъ прославленныхъ на
страницахъ газетъ

Мѣднымъ кофейникомъ и цвѣтущимъ
фикусомъ,

Да правитъ нами безыменный Зетъ —
Съ неслышнымъ секретаремъ своимъ,
господиномъ Иксомъ.

Ну а если жизнь съ событіями сопряжена
И захочетъ захватить призъ въ томъ, —
У бухгалтера казначескаго молодая жена —
Пускай чуть-чуть не убѣжитъ съ артистомъ.

И если, все-таки, пожелаетъ рокъ
Яркой славы показать образчикъ, —
Пусть Ивану Ивановичу достанется вѣнокъ,
Починившему у сосѣда музыкальный ящикъ.

Станемъ же кротко просить творца
Безпечальности свѣтлой въ жизни здѣшней
И вымаливать у него судьбы скворца,
Надѣленнаго застрахованной отъ огня
скворешней.

Будемъ варенье варить въ саду,
На радость Олекъ сосѣднихъ и Ленокъ,
Которыя опредѣленно имѣютъ въ виду
Жадными глазами выклянчить пѣнокъ...

Солнце-ли ярко? Мѣдный-ли тазъ
Солнцу упрямо лѣзетъ въ ровни?
Пчелиный-ли подъ ухомъ прогудѣлъ басъ,
Или колоколъ спѣлъ на дальней часовнѣ?

О великолѣпная, голубая тишь!
Люди, одинаковые какъ зерна жита,
Возлюбленный городъ Зеленыхъ Крышъ,
Многоцвѣтная мелочь повседневнаго быта!...

Будемъ жить и вѣнчаться и встрѣчать
смерть,
Которая, какъ хозяинъ, крѣпкой и новой
Въ частоколѣ стлѣвшую замѣняетъ жердь
Розовымъ утромъ или въ вечеръ лиловый...

ТОЩЕНКО.

Послѣдняя воля умирающаго.

Тутъ братишки недавно съ моимъ знакомымъ случай произошелъ. У него чахотка была на почвѣ разныхъ огорченій. Чахотка, какъ чахотка — ничего особеннаго. И при послѣднихъ градусахъ по реомюру. Ну, конечно, лежитъ мой знакомый и умираетъ естественной смертью. И микстуру ускореннымъ образомъ допиваетъ, чтобы не пропадала. И натурально вспоминаетъ онъ, трогательныя картины свѣтлаго своего дѣтства, и разные промежутки времени. И проходили эти промежутки передъ нимъ, какъ въ туманномъ видѣніи. Въ родѣ какъ акварельные намеки самаго нѣжнаго тона. И какъ его изъ гимназіи выгнали, и какъ его папаша билъ; эвакуація, конечно, въ этой же самой акварели. И стихи соотвѣтствующіе читалъ: «И пусть у гробового входя младая будетъ жизнь играть!...» Такъ онъ при этихъ стихахъ отъ слезъ никакъ не могъ удержаться... Какъ дойдетъ до этихъ строкъ, такъ и заплачетъ. Потому что очень ему ясно рисовалось какъ играетъ младая жизнь. Ему рисовалось, какъ идутъ молодые люди въ ресторанъ, чтобы выпить и закусить, и ухаживать за барышнями. И вотъ чувствуетъ мой пріятель, что смерть уже леденитъ его своимъ тлетворнымъ дыханіемъ и собираетъ онъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, чтобы проститься и объявить свою послѣднюю волю. Такъ онъ простился честь честью, а съ послѣдней волей видятъ чего-то ужасно стѣсняется. Ну родные и знакомые, конечно, давай его уговаривать. Не стѣсняйся, говорятъ, Петя — объявляй! И тогда умирающій мой пріятель прерывающимся и слабымъ голосомъ объявилъ: Хочу, говоритъ, передъ смертью съѣсть обѣдъ изъ русскаго ресторана, и чтобы съ водочкой, и чтобы побольше хлѣба!... Тутъ, конечно, всѣ забѣгали, хотя мнѣнія раздѣлились. Нѣкоторые опредѣленно заявили, что ѣсть умирающему передъ самой смертью нельзя. Другіе сказали, что почему бы и не поѣсть, если все равно умираетъ. Ну обѣдъ, конечно, ему принесли. И водочки и закуски. Налили водочку въ грустномъ молчаніи, выпили, закусили. Умирающій, конечно, слабымъ голосомъ вторую требуетъ и чтобы еще ему селедочки въ тарелку дали. И вотъ значитъ пьютъ умирающій не отстаетъ. Изъ послѣднихъ, силъ старается. Горькая улыбка на губахъ, —какъ бы надъ самимъ собой ироническая насмѣшка. Однако борщъ съѣлъ, а за свиной котлетой уже самъ за здоровье своихъ друзей чокался и даже немножко озорничать началъ. Свое преимущество, какъ умирающаго человѣка, почувствовалъ и за женой Ивана Петровича пріударивать сталъ. А если ему чуть кто что, такъ онъ сразу-же на основаніи послѣдней своей воли покорности требовалъ. Ну конечно, изъ уваженія къ умирающему всѣ его слушались и когда онъ въ сосѣдній ресторанъ перейти предложилъ — спорить никто не осмѣлился. И цѣлыхъ три дня потомъ мой пріятель своей послѣдней волей злоупотреблялъ, пока всѣ кругомъ не убѣдились, что онъ уже не умирающій, а просто сукинъ сынъ.

Тощенко.

З І Я

Неизвѣстный Кузьма Прутковъ

Далеко не всѣ «произведенія» Кузьмы Пруткова вошли въ «Полное Собраніе», его сочиненій, изданное братьями Жемчужниковыми. Многое изъ печатавшихся его сочиненіи въ шестидесятыхъ годахъ въ «Искрѣ», и другихъ тогдашнихъ журналахъ и канувшихъ въ забвеніе, нисколько не уступаетъ по остротѣ мысли и юмору изреченіямъ и анекдотамъ, нынѣ ставшимъ классическими. Наши читатели сами могутъ въ этомъ убѣдиться на основаніи приводимыхъ ниже афоризмовъ и нѣсколькихъ «историческихъ» анекдотовъ.

ПУХЪ и ПЕРЬЯ

Мысли и афоризмы — плоды раздумья.

Огорошенный судьбою, ты все же не отчаивайся.

Доказано, что земля, своимъ разнообразіемъ и великостью насъ поражающая, показалась бы на солнцѣ находящемуся смотрителю, только, какъ гладкій и ничтожный шарикъ.

Не теряй времени, а паче не утомляй разсудка изысканіемъ средствъ, дабы всѣхъ удовлетворить, ибо легче многихъ не удовлетворить, нежели удовлетворить.

Не всякій генералъ отъ природы полный.

Трудись, какъ муравей, если хочешь быть уподобленъ пчелѣ.

Дружба согрѣваетъ душу, платье — тѣло, а солнце и печка — воздухъ.

Лучше заложить коляску, чѣмъ домъ, а лучше всего закладывать уши хлопчатой бумагой, или морскимъ канатомъ.

Пріятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимѣе полоскать ротъ.

Не прибѣгай къ щекоткѣ, желая развеселить знакомую, — иная назоветъ тебя за этой невѣжей.

И египтяне были въ свое время справедливы и человѣколюбивы.

Гармонія цвѣтовъ

Грего.

Кит. генер. — А что если японцы красную Сибирь покрасятъ въ желтый цвѣтъ?

Солдатъ: — Она станетъ бѣлой, ваше превосходительство.

Выдержки изъ записокъ моего дѣда

Ученый на охотѣ.

Сказываютъ, однажды Лефебюръ-де-ла-Фурси, французскій знаменитый ученый, къ изслѣдованію математическихъ истинъ непрестанно свой умъ прилагавшій, нежданно тамошнимъ королемъ, съ прочими той страны почетными особами, на охоту приглашенъ былъ и изъ богатаго королевскаго арсенала добрый мушкетъ для сего получивши, наравнѣ съ другими королю въ охотѣ сопутствовать согласился. Но когда уже оная королевская охота, изрядно утомившись, обратно къ дому путь свой направила, то, проѣзжая мимо славнаго и широкаго каштана, на берегу рѣки стоящаго и въ зеркалѣ водъ ея, влѣвѣ отъ него бѣгущихъ, длинныя вѣтви свои живописно отражающаго, — добрый сей король знаменитаго того математика узрѣлъ, у подножія каштана на землѣ сидящаго и тщательно, съ превеликимъ прилежаніемъ на ладони дробь перебирающаго, а мушкетъ и прочіе охотничьи доспѣхи подалеку отъ него въ сторонѣ лежащія, и крайне сему удивляясь, громко его вопросилъ: «Что вы дѣлаете, господинъ Лефебюръ-де-ля-Фурси?» На королевскій вопросъ, ни мало не смѣшавшись, но съ виднымъ отчаяніемъ, ученый тотъ отвѣт-

ствовалъ: «Вотъ уже два часа, государь, мой, какъ тщетно силюсь я привести сію дробь къ одному знаменателю». — Возвратясь домой, король не упустилъ передать таковой ученаго отвѣтъ молодымъ принцессамъ, дочерямъ своимъ, много въ тотъ вечеръ смѣявшимся оному, купно съ ихъ приближенными, а въ доказательство однако, сколь ученость должна быть всѣми почтена, тогда же господину Лефебрюде-ля-Фурси изъ королевской своей вивліофики особую книгу подарилъ, подъ заглавіемъ: «Переводъ изъ правоучительныхъ разсужденій барона Гольбаха», въ нарочито богатомъ переплетѣ и на пергаментѣ отпечатанную.

И великіе люди иногда недогадливы бывали

Всему свѣту извѣстный герцогъ де- Роганъ, однажды, превеликую во всемъ организмѣ разстройку отъ простуды ощутивъ, спѣшно французскаго врача, Густава де-ля-Шарбонера, звать приказалъ, и отъ него пригодное для себя врачеваніе истребовалъ. Сей, искусный въ своей наукѣ, де-ля-Шарбонеръ не замедлилъ господину Де-Рогану особыя капли прописать, которыя, по-двадцати въ водѣ, принимать велѣлъ: а на завтра, къ оному больному, съ должной осторожностью вошелъ, и онаго, въ холодной ваннѣ сидящаго и спкойно прописанныя капли пьющаго, увидѣвъ, искусный тотъ врачъ не мало сему изумился и съ ужасомъ къ герцогу воскликнулъ: «Что вы дѣлаете, государь мой?» — Таковому вопросу вельми удивляясь, и съ негодованіемъ герцогъ де-Роганъ изъ ванной ему отвѣтствовалъ: — «Не вы ли сами, господинъ де-ля-Шарбонеръ, вчера, при герцогинѣ супругѣ моей, съ превеликою настойчивостью многажды наказывали мнѣ: капли сіи, по двадцати въ водѣ, принимать. Что съ самаго отхода вашего по сей часъ непреклонно исполняя, напослѣдокъ совсѣмъ излечиться черезъ сіе несомнѣнно надѣюсь!». Такъ и великіе люди иногда тоже недогадливыми бывали!

И малыя въ астрономіи большую царедворцамъ услугу оказать могутъ.

Индійскій царь Вардигесъ, покорными своими слугами окруженный, единожды до самаго заката солнечнаго, со смѣхомъ, неловкостью плясавшаго передъ нимъ медвѣдя потѣшался и, напослѣдокъ, такъ воскликнулъ: «Половину сокровищей, — о вѣрноподанные! — тому, кто впервѣе прочихъ сказать можетъ: почто сіе четвероногое непрестанно морду свою къ небесамъ обращаетъ, будто тамъ что знакомое, а паче пріятное, себѣ находитъ». — «Доподлинно», — отвѣтствовалъ царю, ни мало не медля, степенный царедворецъ, — «оно тамъ, уповаю, двухъ своихъ подругъ, большую и малую, обрѣсти успѣло»; при чемъ на двухъ въ небѣ «медвѣдицъ» указать государю не замедлилъ. Отвѣту сему весьма доволенъ оставшись, царь тотчасъ, въ веселомъ расположеніи, въ покой свой вошелъ и обѣщаніе свое въ тотъ же день исполнить не оставилъ.

„А ПОДАТЬ СЮДА ЛЯПКИНА-ТЯПКИНА!...“

Хорошій обычай установился въ эмиграціонной прессѣ — печатать отрывки изъ предположенныхъ къ изданію романовъ. Такъ сказать — образцы для ознакомленія съ качествомъ товара. Въ томъ, что товаръ образцамъ будетъ соотвѣтствовать — сомнѣваться нельзя. Солидность фирмы — порука. Такой образецъ своего романа предлагаетъ Нина Берберова, въ № 3930 «Послѣдн. Новостей». На удачу беремъ оттуда нѣсколько хризантемъ хорошаго стиля.

> ... Она казалась очень высокой, немного тяжелой, во всякомъ случаѣ — крупной, одѣта была тоже, какъ **взрослая дама...**

«Взрослая дама» — звучитъ не плохо. Конечно Нина Берберова имѣла въ виду «малолѣтнихъ дамъ» въ Индіи, но вѣдь это ужасно далеко отсюда.

А вотъ еще:

> Она улыбнулась Сашѣ, онъ **сказалъ**, что ему совсѣмъ недалеко и подвозить не стоитъ.
>
> — Ну а все-таки? — спросила она.
>
> Онъ **сказалъ**, что его ждутъ обѣдать, братъ и невѣста брата.
>
> Она **сказала**:
>
> И больше никто? Тогда знаете что, пообѣдаемъ вмѣстѣ.
>
> Онъ опять поклонился. **Отказаться показалось** ему невозможнымъ.

Сказалъ, оказалъ, сказала, отказаться, показалось...Для десяти газетныхъ строкъ не слишкомъ-ли это щедро.

Или:

> Онъ сидѣлъ **невѣроятно близко** отъ нея.

Неужели ближе чѣмъ — рядомъ? Въ такомъ случаѣ или онъ у нея или она у него, кто то сидѣлъ у другого на колѣняхъ, каковая возможность, при нѣкоторой офиціальности разговора собесѣдниковъ, исключается.

А вотъ шедевръ:

> Лакей принесъ на широкомъ, плоскомъ блюдѣ двѣ дюжины блѣдныхъ устрицъ во льду и соли и разрѣзанный на-двое лимонъ. Лена осторожно колола устрицу короткой, тупенькой вилкой, жала лимонъ въ нѣжную, перламутровую раковину, потомъ подбирала устрицу крѣпкими меньхіоровыми зубьями, несла ее къ раскрытымъ губамъ и выливала пахнущій океаномъ сокъ изъ глубокой, съ острымъ дномъ раковины, въ ротъ.

Мы не сомнѣваемся, что приведенныя выше строчки войдутъ въ хрестоматіи и будутъ разучиваться милыми дѣтьми наровнѣ съ «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ», къ великой зависти княгини Бебутовой, специалистки по роскошной жизни.

Рижская газета «Сегодня», сообщая о смерти французскаго военнаго министра Мажино, пишетъ:

> «Вся дѣятельность покойнаго протекала подъ знаменемъ вселить въ армію довѣріе къ ея вождямъ».

Пожелаемъ рижскому собрату долгой и плодотворной дѣятельности подъ знаменемъ научиться русскому языку.

**
*

Нѣкоторые художники, занимающіеся въ свободное время литературой, пишутъ, по всей вѣроятности такъ: кладутъ передъ собой чистый листъ бумаги и, схвативъ кисть, набрасываютъ на него сочные, красочные мазки.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ богатой палитры Александра Бенуа («Послѣднія Новости»).

> «Лежа въ кровати, закрывъ глаза, въ полузабытьи мерещатся огни елки».

«Подъѣзжая къ сей станцыи и любуясь природой въ окно, у меня слетела шляпа», — записано въ чеховской жалобной книгѣ.

> «Очаровательна была у моей старшей сестры, которая была замужемъ за англичаниномъ, свято-хранившимъ традиціи своей родины, восхитительно связывавшимся у него съ пріобрѣтенными питерскими навыками».

Такую фразу одной кистью не напишешь. Должно быть, авторъ макалъ въ ведро съ краской цѣлую метлу.

> «... тамъ елка была черезчуръ монденная и блестящая».

И языкъ подъ стать елкѣ: монденный и блестящій.

ИЛЬЯ СОКОЛОВЪ.

Приглашенie на тиръ

Всѣмъ, которые не висѣли,
Кто у стѣнки въ страхѣ не дрогъ,
Идемте, идемте на карусели
Брать предметный урокъ.

Принципы мои не строги
И, конечно, нравятся мнѣ —
Мидинетки бойкiя ноги
На карусельномъ конѣ.

Я люблю ихъ веселыя юбки
И глаза — бенгальскiй пожаръ,
Обѣщающiе всѣ уступки
За самый маленькiй гонораръ, —

За выстрѣлъ лимонадной пробки
И небольшiе стихи,
Въ которыхъ воспѣты робко
Нѣжные мои грѣхи.

Но нѣтъ! я сегодня — серьезный,
И я гражданинъ — поэтъ,
Имѣющiй опытъ грозный
Растерзанныхъ русскихъ лѣтъ.

Сегодня такъ — мимоходомъ
Карусель зацѣпимъ на глазъ —
Пусть она къ антиподамъ
Добуравится въ добрый часъ.

Пожалуйте, вотъ карабины!
Мы пришли и патроны — вотъ!
Тамъ, въ глубинѣ кабины,
Врагъ смертельный живетъ.

Давайте же стрѣлять учиться
Точно попадать въ грудь —
Пригодится, можетъ случиться
Однажды, когда нибудь.

Вѣдь и мы стрѣлять не умѣли
Тогда, на первыхъ порахъ,
Потому то въ помолѣ — мелѣ
Разлетѣлось русское въ прахъ.

Американцы на Монпарнассѣ

Грего.

1-ый — Ты дѣйствительно увѣренъ чтопрiобрѣлъ настоящихъ Рафаэля и Веласкеза?

2-ой — Ну, конечно! Я купилъ у нихъ непосредственно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Всев. П. Дымбѣ — Бiанкуръ.

Редакцiя «Ревизора» очень благодаритъ васъ за присланные вами стихи. Они на столько интересны, что мы печатаемъ ихъ немедленно, въ первомъ же номерѣ. Тѣмъ болѣе что ваше произведенiе посвящено Парижу или вѣрнѣе — русскому въ Парижѣ. Стихи несомнѣнно хороши и заслуживаютъ всяческаго вниманiя читателя.

ПАРИЖСКАЯ ОДА.

«Онъ! всюду Онъ!» — какъ тотъ Наполеонъ,
Собой Гюго, когда-то вдохновившiй,
Во всемъ, вездѣ, повсюду видѣнъ Онъ,
На все, на всѣхъ — свой генiй наложившiй!
Во всемъ Его — съ восторгомъ тайнымъ
зрю,

Вездѣ Его я мыслью прозрѣваю...
На новыя ль казармы посмотрю,
Зуава ли на улицѣ встрѣчаю...
Дивлюся ли бульваровъ широтѣ,
Заслышу ль звукъ знакомый барабана,
Шевара ли замѣчу въ тѣснотѣ,
Слѣдящаго глазами Жанъ-Вальжана!
Услышу ли, случайно, какъ Сенатъ
Любой вопросъ въ стѣнахъ своихъ рѣшаетъ,
Войду ль порою въ Люксембургскiй садъ,
Гдѣ тишь да гладь... Его напоминаетъ!
Сижу ль въ кафе, съ газетою въ рукѣ,
И новый въ ней «авертисманъ» замѣчу,
Иль, Господи прости, communiqué
Въ одномъ столбцѣ два раза сряду встрѣчу.
Онъ, всюду Онъ, опять и снова Онъ,
Французамъ умъ и волю замѣнившiй...
Онъ, наглухо, на все, со всѣхъ сторонъ,
Какъ бандероль, свой генiй наклеившiй! ...

Ахъ вы безстыдникъ, г. Дымба! Зачѣмъ вы потревожили тѣнь знаменитаго И. С. Курочкина. Какъ вамъ не совѣстно? Вѣдь это называется — плагiатомъ. Не старайтесь же впредь обмануть насъ и оставьте редакцiю въ покоѣ.

В.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

В. ЗЛОБИНЪ.

МЕРТВЫЙ ДУХЪ

Интересъ къ русской литературѣ, особенно, къ литературѣ современной (не къ литературѣ-ли вообще?), падаетъ въ эмиграцiи съ каждымъ годомъ все больше. Это видно уже по тому, въ какомъ ничтожномъ размѣрѣ расходятся русскiя книги: Въ чемъ же дѣло? Нѣтъ для нихъ что-ли достойнаго читателя — лучшiй въ мiрѣ читатель, старый русскiй интеллегентъ, умеръ и погребенъ, — или же сами книги такого рода, что современнаго читателя эмигранта не удовлетворяютъ?

Познакомимся, прежде всего съ читателемъ. Кто онъ, чего онъ собственно хочетъ, чего ждетъ отъ русской литературы? Очень легко отвѣтить, что ничего не хочетъ и ничего не ждетъ. Такъ же легко, какъ сказать, что если въ эмигрантской литературѣ чего-то нѣтъ, что нужно сейчасъ русскому читателю, то виновата въ этомъ цензура. Такое мнѣнiе было высказано, въ прошломъ году, на одномъ изъ собранiй «Зеленой Лампы», («У кого мы въ рабствѣ»). На это, однако, цензора, напримѣръ, «Современныхъ Записокъ», могли бы отвѣтить, что не разъ печатали на страницахъ своего журнала произведенiя русскихъ писателей, проникнутыя духомъ политически журналу совершенно чуждымъ. Большаго свободолюбiя отъ цензоровъ требовать нельзя. Что же касается стороны чисто литературной, то эмигрантскiе цензора-редакторы и не скрываютъ, что искусство не ихъ спецiальность. За то они и осторожны въ выборѣ — изъ старыхъ берутъ тѣхъ, кто съ именемъ, изъ молодыхъ, кто имѣетъ хотя бы небольшой литературный стажъ, или за кого ручаются «мэтры».

Я это говорю къ тому, чтобы не получилось ложнаго представленiя, будто у нашихъ здѣшнихъ писателей столы ломятся отъ генiальныхъ произведенiй, а цензора печатаютъ только дрянь. Это не вѣрно. Русская зарубежная литература вовсе не такъ ужъ угнетена, какъ это могло показаться послѣ собранiя «Зеленой Лампы». Почти все, что пишется, можетъ быть напечатано, въ крайнемъ случаѣ, — въ порядкѣ дискуссiонномъ.

Да, почти все. Русская зарубежная печать *почти* свободна. Политика? Извольте, развивайте какiе угодно политическiе взгляды, отъ крайне правыхъ до смѣновѣховскихъ. Искусство, наука, философiя? Самыя передовыя мысли никого не испугаютъ и будутъ встрѣчены сочувственно. Можно даже говорить о христiанствѣ и религiозномъ возрожденiи Россiи — для всего этого, въ отдѣльности — мѣста сколько угодно. Но вотъ, попробуйте соединить три темы — *о христiанствѣ, общественности* и *свободѣ* — въ одну проблему и тотчасъ-же всѣ двери передъ вами съ трескомъ захлопнутся, вы станете равно непрiемлемы для всѣхъ существующихъ въ зарубежной печати направленiй. Едва - ли сами цензора понимаютъ въ чемъ тутъ дѣло, они дѣйствуютъ скорѣе инстинктивно, какъ бы изъ нѣкоего чувства самосохраненiя: сочетанiе этихъ трехъ вопросовъ кажется имъ чѣмъ-то противоестественнымъ, чудовищнымъ, и вызываетъ ужасъ и отвращенiе.

Единственно счастливымъ исключенiемъ какъ бы является недавно рожденный журналъ «Новый Градъ». Вотъ, наконецъ, мѣсто, гдѣ можно свободно говорить на темы религiозно-общественныя! Но подождемъ радоваться. Уже одно присутствiе среди строителей «Новаго Града» такихъ мастеровъ, какъ Степунъ и Бердяевъ, ничего хорошаго не предвѣщаетъ. Мы ихъ достаточно слышали и читали, чтобы знать, что никакого «Новаго Града» они не построятъ и даже самую проблему о «Новомъ Градѣ» — а это какъ разъ и есть та непрiемлемая для зарубежной печати проблема, о которой я только что говорилъ — или совершенно сведутъ на нѣтъ или, въ лучшемъ случаѣ, исказятъ до неузнаваемости.

И вотъ, что еще очень характерно для новоградцевъ: они какъ бы совершенно не помнятъ прошлаго. Читая ихъ журналъ, можно подумать, что проблема о строенiи «Новаго Града», впервые возникла въ эмиграцiи и что ее родилъ Бердяевъ со Степуномъ. Между тѣмъ, она возникла давно, еще въ Россiи, въ эпоху символизма и сразу прiобрѣла значенiе проблемы общественно-политической. Вся дѣятельность петербургскихъ религiозно-философскихъ собранiй прошла подъ знакомъ строенiя «Новаго Града, и этому же вопросу былъ посвященъ журналъ «Новый Путь». Былъ произведенъ громадный опытъ, которымъ, поскольку могъ, воспользовался и Бердяевъ, и за счетъ котораго, онъ, въ сущности, живетъ до сихъ поръ. Достаточно прочесть его, въ то время вышедшую, книгу «Новое религiозное сознанiе и общественность», чтобы въ этомъ убѣдиться. Книга весьма примѣчательная, и если сравнить ее съ теперешними писанiями Бердяева, то понимаешь, почему онъ на прошлое старается не оглядываться. То, чему онъ нѣкогда служилъ или хотѣлъ служить, — идею Новаго Града, Града Божьяго на *землѣ* — онъ предалъ и всякая память о прошломъ его въ этомъ обличаетъ.

Но самое, быть можетъ, любопытное, — это что и тогда, въ Россiи, относились къ идеѣ Новаго Града, какъ и теперь, здѣсь, съ тѣмъ же ужасомъ и отвращенiемъ — отъ Побѣдоносцева и архiерея Сергiя, нынѣшняго фактическаго главы русской церкви, до марксиста Петра Струве, который, хотя и пересталъ быть марксистомъ, но еще совсѣмъ недавно, печатно и публично, выступалъ противъ привлеченiя христiанства къ разрѣшенiю соцiальной проблемы, какъ противъ чего-то совершенно недопустимаго. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься, особенно, цензорамъ лѣвымъ, а также тѣмъ изъ писателей праваго лагеря, которымъ лѣвая цензура печататься не мѣшаетъ. Несогласные въ политикѣ, они, быть можетъ, согласны въ чемъ-то другомъ, болѣе основномъ и важномъ?

Это, впрочемъ, только вопросъ. Я ничего не утверждаю. Я хочу лишь отмѣтить, что безразлично, какая цензура насъ угнетаетъ — лѣвая или правая. Дѣло не въ правизнѣ и лѣвизнѣ, а въ томъ, особомъ духѣ, которымъ проникнуты не только «охраняющiе входы» зарубежной нашей печати, но вообще вся культурная среда эмиграцiи, со всѣмъ, что въ ней происходитъ. Духъ этотъ о, какой знакомый! Какъ его назвать? Духъ реакцiи, консервацiи, реставрацiи? Назовемъ его просто — мертвый-духъ. А какого онъ происхожденiя — лѣваго или праваго — не суть важно.

Вотъ, В. Рудневъ, честный человѣкъ, сидѣлъ, писалъ статью о «Новомъ Градѣ», разсуждалъ, полемизировалъ, но подъ конецъ не выдержалъ, возмутился степуно-бердяевскимъ мертвящимъ духомъ, повѣявшимъ на него изъ вратъ «Новаго Града», и отвернулся съ «тяжелымъ и горькимъ чувствомъ». И насколько этотъ естественный жестъ убѣдительнѣе всѣхъ метафизическихъ и религiозныхъ доводовъ, которые могутъ быть приведены въ полемикѣ противъ новоградцевъ.

Но вернемся къ читателю, съ котораго мы начали. Идеализировать его я не собираюсь. Но какъ бы онъ плохъ ни былъ, до какого бы одичанiя ни дошелъ, пока жива въ немъ душа, отъ мертваго духа онъ естественно будетъ отталкиваться. Конечно, не вся наша зарубежная литература этимъ духомъ заражена. Но по-

сколько рѣчь идетъ о литературѣ цензурой разрѣшенной и одобренной, можно почти съ увѣренностью сказать, что современнаго русскаго читателя, русскаго человѣка въ изгнаніи, она утолить не можетъ.

Чего же онъ хочетъ? Едва-ли это ему самому въ точности извѣстно. Тутъ трудность общенія съ читателемъ, помимо цензурныхъ препятствій, еще въ томъ, что нѣтъ общаго языка, ибо нѣтъ общей жизни и общихъ интересовъ. Но не близки-ли, не необходимы-ли сейчасъ всякому русскому человѣку, еще не окончательно утратившему человѣческій образъ и подобіе, три вещи: *Богъ, земля* и *свобода?* Если да, то это значитъ, что строеніе Новаго Града, можетъ и должно начаться уже здѣсь, въ эмиграціи. Но начнется оно, по настоящему, только тогда, когда будетъ понято, что эти три вопроса — о Богѣ, землѣ и свободѣ — неразрѣшимы въ отдѣльности, а лишь разрѣшимы вмѣстѣ.

Вл. Злобинъ.

ХРОНИКА

Русскіе издатели въ Парижѣ, учреждаютъ «Общество объединенныхъ русскихъ книгоиздателей«, и общій книжный складъ для продажи своихъ изданій книжнымъ магазинамъ во Франціи и въ другихъ странахъ. Новый централизованный порядокъ распространенія книгъ («плановое хозяйство въ книжномъ дѣлѣ» — согласно mot d'ordre современности!...) подаетъ надежду на то, что удастся установить болѣе регулярныя отношенія съ русскими книгопродавцами во всѣхъ странахъ и тѣмъ оживить русское книгоиздательское дѣло въ эмиграціи.

Русское книжное дѣло «Родникъ», объявляетъ конкурсъ разсказовъ начинающихъ писателей. — За лучшій изъ нихъ будетъ выдана премія въ 100 франковъ и произведеніе это будетъ отпечатано отдѣльнымъ изданіемъ съ иллюстраціями за счетъ «Родника». Условія участья въ конкурсѣ высылаются по требованію. На отвѣтъ прилагать марку. Адресъ: Librairie «La Source», 106, rue de la Tour, Paris (16e).

М. БЕНЕДИКТОВЪ.

Х.-Н. БЯЛИКЪ

(КЪ ЕГО ПРІѢЗДУ ВЪ ПАРИЖЪ)

Сказать, что Бяликъ — лучшій изъ современныхъ еврейскихъ поэтовъ, значитъ ничего не сказать. Бяликъ — явленіе исключительное и несоизмѣримое. Онъ еще здравствуетъ, онъ даже еще не старъ но имя его уже окружено легендой. Можетъ быть, не всуе его называютъ пророкомъ. Со временемъ, когда Бяликъ станетъ «исторіей», его имя быть можетъ, дѣйствительно окажется рядомъ съ именами Исайи и Іереміи. Какое мужество, какую вѣру въ себя должно имѣть въ нашъ позитивный вѣкъ, чтобы рѣшиться заговорить со своимъ народомъ языкомъ суроваго ментора, пытаясь «глаголомъ жечь сердца». Бяликъ на это рѣшился, и еврейскій народъ не только не осмѣялъ его, но принялъ его гнѣвныя слова, какъ должное.

Бяликъ — конечно, не «гражданскій» поэтъ, не публицистъ, излагающій свои мысли въ рифмованныхъ строкахъ. Онъ — поэтъ подлинный, «божьей милостью«. Еслибы онъ ничего, кромѣ своихъ лирическихъ поэмъ, не написалъ, онъ все равно заслужилъ бы достойное мѣсто въ пантеонѣ міровой поэзіи. Но еще больше поэтической мощи въ его циклѣ «Пѣсни гнѣва». Именно эти стихи сдѣлали его національнымъ поэтомъ. Онъ бичуетъ уродливыя черты нажитыя народомъ въ вѣка гетто, зоветъ къ національному возрожденію. Послѣ кишиневскаго погрома, всѣ просвѣщенные люди въ Россіи и внѣ ея глубоко возмущались подвигами громилъ и потворствомъ властей. Бяликъ былъ единственный, который пламенный протестъ свой направилъ не противъ преступниковъ, а — жертвъ. Какъ могутъ сыны когда-то героическаго народа давать себя убивать, какъ барановъ или прятаться въ подвалы вмѣсто того, чтобы оказать сопротивленіе убійцамъ?! Онъ яростно бранилъ свой народъ, поносилъ его трусость. Его поэма о погромѣ положительно потрясла еврейство. Бяликъ пишетъ, на національно - еврейскомъ языкѣ, который значительная часть евреевъ — въ Россіи и въ другихъ странахъ — не понимаетъ. Но голосъ поэта проникъ въ народную массу. Немало, кстати, способствовалъ популяризаціи поэта въ Россіи, превосходный русскій переводъ стихотвореній Бялика, сдѣланный Вл. Жаботинскимъ. Поэма Бялика значительно содѣйствовала развитію еврейской самообороны въ разныхъ русскихъ городахъ, (Кіевъ, Одесса и пр.), гдѣ существовала угроза погромовъ.

Бяликъ выросъ въ эпоху, когда русское еврейство начало изживать психологію и бытъ гетто и воспринимать русскую культуру. Разрывъ, съ гетто сопровождался, въ интеллигентныхъ кругахъ, съ идеологическимъ отходомъ отъ еврейства. Поэтъ яростно обратился на отступниковъ, и въ то-же время, воспѣлъ красоту прошлаго еврейства, — и въ движеніи «назадъ къ еврейству», онъ сыгралъ большую роль. Больше, чѣмъ кто-либо другой, онъ содѣйствовалъ возрожденію библейскаго языка и оживленію интереса къ національной культурѣ, къ еврейской книгѣ.

БЯЛИКЪ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

пер. В. Жаботинскаго.

И сказалъ Амассія Амосу:
Провидецъ, бѣгу!
(Амосъ VII, 12).

Бѣжать? О, нѣтъ! Привыкъ у стада
Я къ важной поступи вола;
Мой шагъ тяжелъ, и рѣчь безъ склада,
И, какъ сѣкира, тяжела.

Мой пылъ угасъ, и въ сердцѣ холодъ,
Но не на мнѣ за то позоръ:
Не встрѣтилъ наковальни молотъ,
И въ гниль обрушился топоръ!...

Что-жъ, покорюсь Судьбѣ рѣшенной,
Свяжу мой скарбъ, стяну кушакъ,
И прочь пойду, цѣны поденной
Не заработавшій батракъ.

И будутъ рощи мнѣ подруги,
И будутъ долы мой пріютъ,
А васъ, — а васъ лихія вьюги,
Какъ сгнившій мусоръ, разметутъ...

ЮРІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ.

На литературныхъ собраніяхъ

На русскихъ литературныхъ собраніяхъ послѣдняго времени, все сильнѣе звучитъ, все чаще повторяется одна опредѣленная тенденція, причемъ она выступаетъ у людей, какъ будто противоположныхъ другъ другу, и предподносится въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Это, въ сущности, тенденція политическая — литература давно въ загонѣ и служитъ только предлогомъ, тѣмъ, что французы называютъ «point de départ». Основа же такихъ политическихъ выступленій, главнымъ образомъ, писательской молодежи — смутные поиски новаго, смутное недовольство старымъ и весьма отчетливое пренебреженіе къ двумъ понятіямъ, на которыхъ старое держится, къ понятіямъ личности и свободы. Ихъ замѣнилъ другой фетишъ, неожиданный для русской, да и всякой молодежи, и этотъ фетишъ — сила.

Точка зрѣнія лучшихъ: побѣда того или иного коллективнаго движенія, той или иной современной жизненной силы все равно неизбѣжна. Будутъ ли это большевики, хитлеровцы или фашисты, въ конечномъ счетѣ побѣдятъ они или кто-то изъ нихъ. Вѣдь за фашистовъ или большевиковъ — массы, безработица, все печальное наше время. Ихъ либерально-консервативные противники выдохлись, устарѣли, явно растеряны, и не стоитъ связывать свою судьбу съ тѣми, кто обречены на пораженіе. Значитъ, надо ставить на побѣдителей, не ошибиться въ своемъ выборѣ и постараться кое-какія крайности смягчить.

Къ тому же вожди и руководимыя ими массы, правы. Капитализмъ, и всякая парламентская канитель, довели міръ до небывалой войны и небывалаго кризиса. А вотъ въ Россіи пятилѣтка, хитлеровская Германія пробуждается, въ Италіи тоже, происходитъ что-то отрадное, и удачное. Повидимому въ этихъ благословенныхъ странахъ, кризиса нѣтъ, или онъ неопасенъ, или (какъ въ хитлеровской Германіи), его бы не было, люди не голодаютъ и войны уже невозможны.

Выдвигается еще одно соображеніе: нельзя быть въ сторонѣ и ничего не дѣлать, среди такого отчаянія. Наша обязанность къ кому-то присоединиться и кого-то поддерживать, и у насъ пока имѣется выборъ — защищать большевизмъ, правый противъ лѣваго, или же лѣвый большевизмъ противъ праваго. Таковъ приблизительный смыслъ многихъ горячихъ выступленій о молодого поэта Поплавскаго. Впрочемъ, Поплавскій для всякого движенія, союзникъ малонадежный, и можетъ завтра съ величайшимъ негодованіемъ нападать на свои вчерашнія воззрѣнія.

Гораздо опаснѣе, чѣмъ подобные колеблющіеся политики, считающіе необходимымъ какъ-то оправдать свои слишкомъ рѣзкія мнѣнія, еще ихъ стыдящіеся, другіе, объединившіеся подъ именемъ младороссовъ. Ихъ ораторы тоже выступаютъ на литературныхъ собраніяхъ, чудовищно-легко разрѣшаютъ самые трудные вопросы и спорятъ презрительно, развязно и наивно. Конечно опасность не въ ихъ какомъ-либо умственномъ превосходствѣ — у нихъ слишкомъ наглядно отсутствуютъ и превосходство и самая «умственность» — и не въ безтолковой идеѣ рабоче-крестьянскаго царя, а въ культѣ силы, наиболѣе послѣдовательно проводимымъ именно у нихъ и неудержимо притягательномъ для теперешней молодежи. Младоросы, смѣнили евразійцевъ, ихъ очевидно смѣнятъ другія, еще не родившіяся партіи, но преклоненіе передъ силой однажды возникло и уже преемственно передается.

Нѣчто болѣе сложное, но въ чемъ-то съ ними соприкасающееся, прозвучало въ недавнемъ докладѣ Марины Цвѣтаевой, «Поэтъ и Время». Началось съ заявленія, что матерьяльное устройство на землѣ есть цѣль низкая и мелочная. Говорилось о Рильке, геніальномъ одиночкѣ, боровшемся со своимъ временемъ, о Шатобріанѣ, далекомъ и враждебномъ революціи и потому создавшимъ новую, романатическую школу. Выводъ оказался неожиданный: поэтъ долженъ быть со своимъ временемъ, въ наши дни онъ долженъ быть съ революціей, только революціонеры его поймутъ.

Но самое уязвимое было не въ противорѣчіяхъ, не въ сумбурности и неясности высказанныхъ мыслей, все же искреннихъ, пламенныхъ и страстныхъ, а въ тонѣ какого-то горделиваго самоупоенія, какой-то снисходительности къ устарѣвшимъ и отставшимъ. Приблизительныя слова, заканчивавшія докладъ Цвѣтаевой, были, что вотъ она отсюда перекликается съ Пастернакомъ, и это есть истинная современность.

И въ преніяхъ продолжалось это общее самодовольство, эти оханія, восхищенія и похвалы, что-то кастовое, высокомѣрное и совершенно непріемлемое. Такъ, одинъ изъ ораторовъ, Б. Сосинскій, окрестилъ докладъ необычайнымъ эпитетомъ «почти геніальный», а пылкій энтузіастъ А. В. Эйснеръ признался, что отъ восторга онъ просто не можетъ говорить. Единственный диссононсъ былъ внесенъ Н. А. Оцупомъ, требовавшимъ, при громкихъ возраженіяхъ, большей скромности и большей осмотрительности.

Однажды мнѣ пришлось попасть въ Евразійскій семинаръ, гдѣ тотъ же Эйснеръ прочелъ докладъ подъ названіемъ, рабски подражающимъ Сталину: «Генеральная линія русской литературы». Конечно, генеральная линія — это революція, діалектика, тема, чѣмъ по мнѣнію докладчика всегда была сильна русская литература. Душа, человѣкъ, психологія, по его словамъ, «ерунда». «Анна Каренина» была бы сейчасъ (цитируется Шкловскій), несвоевременна и неумѣстна. Вся теперешняя литература — одни попутчики, которымъ «пока» (на сколько еще лѣтъ), съ большевиками по пути.

Надо было оправдать и почетное званіе евразійца, и вотъ вспомнилась тяга Пушкина, Лермонтова и Толстого, на востокъ — очевидно по поводу «Кавказскихъ Плѣнниковъ» и «Хаджи-Мурата» — какіе-то разсказы Пильняка о китайцахъ, Тихановскіе очерки, а заодно Мельниковъ-Печерскій и Маминъ-Сибирякъ. Все это, смѣшанное съ пышными словами о русскомъ мессіанизмѣ, невольно меня потолкнуло на одно забытое выраженіе, примѣнявшееся къ нѣкоторымъ людямъ въ дореволюціонныхъ литературныхъ кружкахъ, выраженіе достаточно краснорѣчивое — «не подозрѣваетъ»...

Я говорю не обо всѣхъ собраніяхъ, и далеко не обо всѣхъ ораторахъ. Но тѣ, о комъ я говорю, какъ бы отравлены однимъ ядомъ, какъ бы пронизаны лучами, явно идущими «оттуда», вліяющими и на другихъ, болѣе стойкихъ и зрѣлыхъ. Должно-быть, и на самомъ дѣлѣ велика эта сила, обездаривающая, мертвящая и самодовольно-слѣпая.

Юрій Фельзенъ.

Читатель о писателѣ

Начиная со второго номера, при отдѣлѣ — Свободная Трибуна — вводится рубрика **«Читатель о Писателѣ»**, для помѣщенія отзывовъ читателя о новыхъ книгахъ а также отвѣты его на общія литературныя темы. Редакція полагаетъ, что введеніе этой рубрики можетъ имѣть большое значеніе, въ смыслѣ выясненія и того чего хочетъ читатель отъ писателя и того, что имѣется въ виду писателемъ, выпускающимъ въ свѣтъ то или иное произведеніе.

Статьи направляемые читателемъ для напечатанія ихъ въ указанной выше рубрикѣ, должны быть не велики и въ сужденіяхъ не переходящихъ предѣлы допускаемаго въ литературной критикѣ. Псевдонимы допускаются только при томъ условіи, чтобы адресъ и подлинное имя автора были извѣстны редакціи. Къ рукописи необходимо прилагать талонъ, напечатанный въ лѣвомъ верхнемъ углу на четвертой страницѣ обложки.

ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ

«Журналъ Журналовъ», ставитъ себѣ цѣлью перепечатаніе наиболѣе интереснаго критическаго и литературно художественнаго матеріала, появляющагося въ различныхъ изданіяхъ какъ въ Россіи такъ и за рубежомъ. Ниже мы приводимъ фельетонъ П. Трубникова, напечатанный недавно въ рижской газетѣ «Сегодня». Талантливыя строки П. Трубникова напоминаютъ между прочимъ и элегантное перо Петронія и своеобразный стиль извѣстнаго критика Петра Пильскаго.

П. ТРУБНИКОВЪ.

Лица, рѣчи, ночи

Зимній Петербургъ. — Литературныекружки предъ Рождествомъ. — На литературномъ собраніи. — Поэты, писатели и женщины. — Сѣрый чулокъ Луначарскаго. — Въ Литературно-Ар истическомъ клубѣ. — О чемъ хлопотали критикъ Кугель, беллетристъ Потапенко иартистъ Юрьевъ? — Арапы вокругъ выигравшаго трагика. — О вольной жизни и веселыхъ людяхъ.

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» передовыя статьи писалъ маленькій человѣкъ съ тоненькимъ голосомъ, — звали его Борисъ Павловичъ Бурдесъ. О немъ особенно ходкими была два разсказа.

Первый. Бурдесъ одну изъ своихъ передовыхъ статей началъ такъ: «Мы не разъ уже предупреждали Англію». Послѣ этого предупрежденія Бурдесъ умывалъ руки, — съ этихъ поръ Англія была предоставлена самой себѣ, и за дальнѣйшія ея судьбы передовикъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» снималъ съ себя всякую отвѣтственность.

Разсказъ второй повѣтствовалъ о томъ, какъ этотъ маленькій человѣкъ съ тонькимъ голоскомъ однажды рѣшилъ издать книгу своихъ передовыхъ статей, обратился къ издателю С. М. Пропперу, и тотъ отвѣтилъ:

— Въ такомъ случаѣ не лучше ли выпустить томъ передовыхъ статей «Нейе Фрейе Прессе»?

Но о Бурдесѣ ходило много разсказовъ, еще больше анекдотовъ, главнымъ образомъ, о томъ, какъ онъ легко падалъ въ обморокъ, притомъ совсѣмъ не изъ-за отказа въ авансѣ.

Довольный своимъ положеніемъ, Бурдесъ, весь съежившись и вытянувъ свою маленькую головку впередъ, иногда начиналъ высчитывать:

— Въ Петербургѣ пишущихъ людей — 5000 человѣкъ, но зарабатывающихъ перомъ не больше пятисотъ!

Это его радовало. Приблизительно ту же мысль беллетристъ Б. Б—ій выражалъ лирически. Обращаясь къ знакомому литератору, все равно, въ редакціи или на Невскомъ, онъ медовымъ голосомъ говорилъ:

— Душичка, милочка, за-ра-ба-ты-ваетъ, жи-ве-тъ, душичка!

Кажется, Бурдесъ не ошибался въ своей статистикѣ: пишущихъ людей въ Петербургѣ было предостаточно. Но на литературныхъ вечерахъ, въ литературныхъ кружкахъ появлялось не больше 15-20 человѣкъ.

Падалъ первый снѣгъ, и вмѣстѣ съ санями появлялись замѣтки въ газетахъ о томъ, что тамъ-то, въ домѣ Н., состоится собраніе «Литературнаго содружества». По средамъ сходились у златоволосаго философа и поэта Вяч. Иванова, въ его «башнѣ», на Таврической улицѣ. Это были постоянныя собранія. Отъ времени до времени собирались въ разныхъ мѣстахъ и почему-то чаще всего въ адвокатскихъ квартирахъ, между прочимъ у Чекеруль-Куша.

Но самые веселые литературные вечера я помню у Яши Бронштейна. Собственно, настоящее полное имя его произносилось: Яковъ Адольфовичъ. Но такъ его никто не называлъ, и это происходило совсѣмъ не отъ фамильярности, а проистекало изъ самой теплой любви къ этому чудесному человѣку. Сейчасъ, оглядываясь назадъ, я могъ бы сказать, что второго такого въ Петербургѣ не было. По широтѣ души, легкости характера, ласковому гостепріимству, неисчерпаемому участію, Яша былъ воистину исключительнымъ человѣкомъ, натурой безъ счета, расчета и корысти.

Но влекла къ нему не только его доброта: популярность и любовь онъ завоевалъ и своей оригинальностью. Яша былъ талантливъ. Если-бъ жизнь, вмѣсто карьеры инженера, а потомъ игрока, дала бы ему сцену, мы имѣли бъ отличнаго актера, по крайней мѣрѣ, замѣчательнаго разсказчика. Сразу же послѣ Технологическаго института онъ получилъ очень недурное мѣсто инженера, хорошо зарабатывалъ, и вся дальнѣйшая его жизнь сложилась бы и потекла по прямому, безтревожному руслу. Но Яша сталъ захаживать въ старинный Купеческій клубъ на Фонтанкѣ, и тутъ, за зелеными столами, все перевернулось. Какъ всегда, началось съ сумасшедшаго счастья. Какъ-то, въ теченіе двухъ недѣль, Яша выигралъ около 50.000. Это были хорошія деньги, — хорошія, а, главное, легкія. И Яша зажилъ широко. Появилась громадная квартира, зачастили гости, закружилась игра, за-

МАРКІАНЪ МАЛАЕВЪ.

„Надежда Россіи"

Да здравствуютъ!
Младоросскіе!
Темпы!
  Сторонисъь — идетъ младороссъ,
Пролетарскій совѣтскій штемпель
Украшаетъ дворянскій носъ.

Къ удивленью
Дряхлой
Европы,
  Несмотря на обилье школъ
Какъ трава растугъ остоэопы,
Монархическій комсомолъ.

Старый міръ!
Безпощадно!
Сроемъ!
  Какъ Ильичъ давно завѣщалъ.
Утверждается мордобоемъ
Сей сомнительный идеалъ.

Младороссъ!
На бой!
Въ ат атаку!
  Въ этомъ есть особая честь.
Коль съ однимъ затѣять драку
Молодцовъ этакъ пять или шесть...

Торопись!
Приняться!
За дѣло!
  Молоднякъ на подвигъ готовъ.
Сообща избиваетъ смѣло —
Предпочтительно стариковъ.

Несмотря
На доблесть
Натуры,
  Рисковать нельзя головой!
Непріятна дуэль — и хмурый
Буржуазный городовой.

Процвѣтаетъ
Недоросль
Свѣтскій —
  И, взирая на нашъ конфузъ.
Тамъ, въ чудесной странѣ совѣтской,
Сталинъ весело крутитъ усъ.

Маркіанъ Малаевъ.
(«Возрожденіе»).

звенѣло веселое золото. Стало не до службы — съ инженерствомъ Яша покончилъ, и потекли перевернутыя сутки: ночью — игра, днемъ — сонъ.

Никто такъ не любилъ литературнаго и артистическаго общества, какъ онъ. И отъ времени до времени у себя дома Яша устраивалъ вечера разныхъ литературныхъ «кружковъ» и «содружествъ».

Какъ сейчасъ, помню этотъ большой залъ, стулья вдоль стѣны, чей-то докладъ, чей-то прочитанный разсказъ. Въ эту минуту почему-то вспоминается разсказъ Бориса Лазаревскаго. Онъ прочелъ, и начались «пренія». Если говорить правду, — «пря» интересовала не всѣхъ, ибо всѣхъ интересовалъ ужинъ. Собственно, тамъ, въ сосѣдней столовой, и разливались рѣчи, шумѣли споры, сочинялись экспромты и летали остроты. Но — чинъ-чиномъ, и вотъ, сейчасъ же по прочтеніи разсказа или доклада, поднимется тощій и сухой Акимъ Волынскій и обратится къ полуулыбающемуся собранію съ пламенной, патетической, взъерошенной рѣчью, и она запестритъ и зацвѣтетъ цитатами, конечно, изъ Спинозы, изъ Гегеля и Канта; по мухамъ Волынскій палилъ изъ пушекъ. Кто-то ему возразитъ, и его тоже прослушаютъ съ интересомъ, но также совершенно спокойно. Большинство молчало и наблюдало.

Вотъ — они, всѣ, сейчасъ предо мной.

Тамъ въ углу, погрузясь въ удобное мягкое кресло, безпрерывно попыхиваетъ папиросой огромный и тяжелый Александръ Рославлевъ, средній поэтъ и большой любитель груздей: въ жизни этого человѣка ѣда составляла самый важный вопросъ и единственную серьезную заботу. Какъ онъ мучился потомъ при большевикахъ! Въ 1918 г. Рославлевъ съ утра приходилъ въ артистическій подвалъ «Петрушка», вдвоемъ съ очень маленькой женщиной, его второй женой, и они заказывали два бифштекса, — изъ нихъ все почти съѣдалъ Рославлевъ и лишь кусочекъ оставался на долю небольшой женщины.

Именно съ отчаяннаго голода, все время тоскуя по пищѣ, Рославлевъ, въ концѣ концовъ, перешелъ къ большевикамъ и даже записался въ коммунистическую партію, — напрасно! Ничего не помогло: Рославлевъ умеръ отъ сыпного тифа на почвѣ недоѣданія, но, по правдѣ сказать, насытить этого человѣка не могъ бы ни одинъ правительственный строй.

А рядомъ съ нимъ, значительно ниже его, сидѣлъ бубукающій человѣкъ, ни вѣсть почему ставшій беллетристомъ: писать ему было такъ же затруднительно, какъ и говорить, — и тамъ и тутъ онъ ворочалъ бревна, и больше двухъ связныхъ фразъ подрядъ отъ Виктора Муйжеля нельзя было услышать. И по сравненію съ этимъ пасмурнымъ, неповоротливымъ нечленораздѣльнымъ феноменомъ, впослѣдствіи тоже перешедшимъ къ большевикамъ, человѣкъ, сидѣвшій неподалеку отъ него, казался воплощеніемъ скрытой и неглупой ироніи, впрочемъ, вполнѣ добродушной. Почему-то всегда вспоминая о немъ, я вижу блѣдно-синій цвѣтъ, — блѣдно-синій и еще лиловатый. Это — нашъ новый эмигрантъ, белетристъ Ан. Павл. Каменскій. И, разумѣется, совсѣмъ невозможно забыть рыжаго, черноволосаго, крѣпколобаго Алексѣя Свирскаго. Одинъ разъ его можно было послушать не безъ любопытства: Свирскій любилъ разсказывать о тѣхъ счастливыхъ годахъ своей жизни, когда онъ былъ желѣзнодорожнымъ воромъ. Наставительно онъ поясняль и поучалъ:

— Въ вагонѣ женщина деньги прячетъ обыкновенно или за корсажъ или въ чулокъ. Ну, не дура ли? Усыпи — и готово! Труднѣе съ купцами. Это — дошлый народъ. Но и на старуху бываетъ проруха. Купца непремѣнно ко сну клонитъ. Тутъ важно улучить моментъ. Какъ только впадетъ въ забытье, — сейчасъ же накидывай на него мягко и незамѣтно его же собственную шубу, чтобъ было потеплѣй и поуютнѣй! А потомъ — дѣлай, что хочешь! Купецъ отъ сна нелегко отходитъ!

Свирскому было о чемъ разсказать, — и о желѣзнодорожныхъ подвигахъ, и о тюрьмахъ и, съ особенной сладостью, въ подражаніе Горькому, о своемъ романтическомъ босячествѣ: какъ извѣстно, босяки одно время въ Россіи представлялись литературному взору не иначе, какъ въ черныхъ плащахъ байронизма, замѣшаннаго на ницшеанствѣ.

Часто бывала въ этихъ кружкахъ энергичная, страстная брюнетка Анаст. Ник. Чеботаревская, впослѣдствіи ставшая женой Федора Сологуба. Начало ихъ романа могъ бы заприметить даже не очень наблюдательный глазъ, а мнѣ запомнилась изъ этого времени одна интересная и характерная сологубовская фраза:

Былъ клубъ, былъ вечеръ, былъ освѣщенный залъ, былъ незамѣтный столикъ въ углу, и за нимъ сидѣли Чеботаревская и Сологубъ, — пора начала ихъ взаимнаго увлеченія, — 1907 годъ. Кто-то, стоявшій рядомъ со мной, предложилъ вышедшему Федору Кузьмичу выпить вина, и тотъ отвѣтилъ, — по-сологубовски:

— И пито и ѣто!

Сологубъ любилъ такія неожиданныя и странныя выраженія.

А такъ какъ во всѣхъ воспоминаніяхъ почему-то особенно ярко заостряются мелочи, — вотъ эти фразы, отдѣльныя остроты, выраженія лицъ, то и сейчасъ предо мной качается сѣрый чулокъ. Откуда онъ? И память подсказываетъ: съ ноги Луначарскаго.

Въ домѣ Погожевыхъ однажды тоже былъ вечеръ. Авторъ читалъ свою пьесу, — она называлась: «Королевскій брадобрей», — «революціонная» пьеса, и авторъ ея былъ тоже революціонеръ и краснобай, эстетъ и большевикъ. Входя на цыпочкахъ въ залъ, опоздавшіе прищуривались, всматривались въ автора и видѣли закинутую лысѣющую голову, самодовольное лицо и качающуюся ногу въ сѣромъ домотканномъ носкѣ, — шелковые носки Луначарскій сталъ носить позже, при диктатурѣ пролетаріата.

Прищурилъ глазъ и я, и безпечнымъ взглядомъ обвелъ присутствующихъ. Мнѣ понравилась брезгливая улыбка женщины въ красномъ платьѣ. Когда Луначарскій кончилъ читать, она сказала: да слова оба на букву «в»:

— Воръ и вздоръ!

Это была жена Вячеслава Иванова, писательница Зиновьева-Аннибалъ, авторъ повѣсти «Тридцать три урода» и душа ивановскихъ средъ на Таврической «башнѣ». Сужденіе было справедливо и нисколько не преувеличено.

Но дѣло было не въ сужденіяхъ, а въ другомъ: какъ сейчасъ же освободить голову отъ только что пролившагося на нее драматически-эстетическаго сумбура? Впрочемъ, задумываться надъ этимъ не стоило. Послѣ всѣхъ собраній, засѣданій, совѣщаній теперь ѣхали въ новый недавно открывшійся «Литературно-Артистическій клубъ», въ домѣ кн. Юсупова, — на Литейномъ проспектѣ, противъ Симеоновской улицы. Тамъ собиралась ужъ совсѣмъ разношерстная публика, и директора клуба, театральный критикъ Кугель, беллетристъ Потапенко и артистъ Юрьевъ, — боролись противъ одной предосудительной привычки посѣтителей. Директора домогались и требовали, чтобы гости не сморкались въ бархатныя портьеры.

На азартную игру и всѣ сопряженныя съ ней недоразумѣнія въ клубѣ смотрѣли сквозь пальцы. Было бъ сумасшествіемъ связывать руки, разбрасывающія кредитные билеты и золото. Всю ночь шла игра, метали банки, происходили замѣчательныя сцены.

Великолѣпный въ своемъ апломбѣ и величіи трагикъ Мамантъ Дальскій только что загребъ огромный кушъ и тотчасъ же его окружили клубные «арапы», — такъ назывались сомнительные игроки, никогда не закладывавшіе банка, но скромно примазывавшіеся къ чужой картѣ и, главнымъ образомъ промышлявшіе «стрѣльбой» у выигравшихъ.

И вотъ, откинувшись на спинку кресла, Дальскій повелительнымъ голосомъ говоритъ:

— Сколько же васъ тутъ собралось, господа кандидаты на пенсію?

Онъ медленно считаетъ:

— Одинъ... два... три.... четыре... шесть... восемь.

Затѣмъ не торопясь, царственнымъ жестомъ, онъ начинаетъ раздавать желтыя рублевки, зеленыя трехрублевки и «арапы» робко берутъ, расшаркиваются и отходятъ въ сторону. Одинъ продѣлалъ эту церемонію небрежно, и во слѣдъ ему Дальскій бросаетъ:

— За неблагодарность даръ можетъ быть отнятъ!

П. Трубниковъ

LE GERANT : M. BISNOVATY.

E.I.R.P., 4, Rue Saulnier, PARIS (9e)

Русское книжное дѣло „РОДНИКЪ" въ Парижѣ

Librairie «LA SOURCE», 106, rue de la Tour, Paris-16e

Téléph.: Trocadero 31-66 — Métro: Pompe. Autob.: AB, AS, BO Tramw.: 19

У насъ вы найдете:

Всѣ русскія книги, издаваемыя за рубежомъ. — Книги, издаваемыя въ современной Россіи. — Русскія довоенныя изданія. — Французскія книги. — Учебники. Словари. — Лингафонъ (14 языковъ, изучаемыхъ на дискахъ). — Ноты. — Календари. — Открытки. — Русскіе грамоф. диски. —

Кромѣ того у насъ имѣется:

Библіотека русскихъ и французскихъ книгъ

и принимаются:

Заказы на типогр. работы, печатаніе книгъ; подписка на всѣ русск. и франц. журналы и газеты.

Къ столѣтнему юбилею **Гете** изданъ въ переводѣ И. И. Тхоржевскаго
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАНЪ»
ц. 15 фр.

Каталоги высылаются по требованію безплатно. Заказы принимаются по телефону.

Заграницу книги и диски высылаются тѣм же налож. платежомъ.

Талонъ № 1

НА ПРАВО ПОЛУЧЕНІЯ ПРЕМІИ

„Господинъ Великій Новгородъ"

БОЛОТОВА.

Вышелъ въ свѣтъ № 10 журнала

„Записки Соціалдемократа"

подъ ред. А. П. Потресова.

ц. 3 фр.

Складъ изданія въ «Родникѣ»:
Libr. «La Source», 106, r. de la Tour,
Paris, 16e

БИБЛІОТЕКА
А. И. Куприна

7, RUE EDMOND ROGER, 7.
PARIS, 15ème
(rue Violet No 62)
Metro: Commerce et Beaugrenelle
Autob.: Z. et Y.
ОСТАНОВКА place Violet

◆

ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО
ОТЪ 10-12 И ОТЪ 3-8. БОЛЬШОЙ
ДѢТСКІЙ ОТДѢЛЪ.

◆

ПРИ БИБЛІОТЕКИ
ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

E dition
I mprimerie
Rapide de la
P resse

E. I. R. P.

Téléphone : Prov. 59-44

Всѣ работы на всѣхъ языкахъ

ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ КНИГИ

Быстро. Точко Дешево

Съ заказами обращ. къ зав. тип. М. ФРАЙБОХУ

Типо-Литографія
RAPIDE de la PRESSE

4, rue Saulnier - PARIS
Métro : Cadet

Вышелъ въ свѣтъ 1-ый № журнала

„Третья Россія"

подъ ред. П. С. Баранецкаго.

ц. 3 фр.

Складъ изданія въ «Родникѣ»:
Libr. «La Source», 106, r. de la Tour,
Paris, 16e

ЛИЦЪ, ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ПРОДАЖЕЙ «РЕВИЗОРА», ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ КОНТОРУ ЖУРНАЛА:

Librairie « Source »
106, rue de la Tour, Paris XVIe

Талонъ

НА ПРАВО ПОМѢЩЕНІЯ СТАТЬИ

ВЪ ОТДѢЛЪ

„Читатель о писателѣ"

LE GERANT : M. BISNOVATY.

IMPRIMERIE E.I.R.P. 4, rue Saulnier - PARIS (9e)